
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
при Коммун. Университете им. тов. ЗИНОВЬЕВА.

М. Н. ЯКОВЛЕВ.

ТЕОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ Р. ЛЮКСЕМБУРГ

Раб. Изд. „ПРИБОЙ“ Ленинград. 1925.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
при Коммунистическом Университете имени тов. ЗИНОВЬЕВА

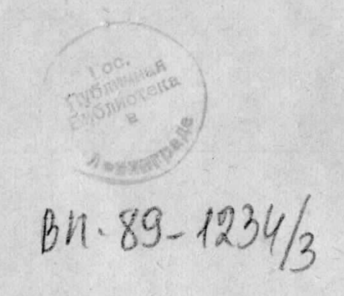
М. Н. ЯКОВЛЕВ

ТЕОРИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ
Р. ЛЮКСЕМБУРГ

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД 1925

Настоящая работа представляет доклад, читанный 14-го мая 1924 г. в Экономическом Отделении Научно-Исследовательского Института при Ком. Университете им. т. Зиновьева и напечатанный без изменений.

Научно-Исслед. Институт.

Ленинградский Гублит № 1414. Печ. 5.000 экз.—4 л. Зак. № 432.

Госуд. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, д. № 14.

Теория реализации Розы Люксембург [1].

Критика теории реализации Маркса Розой Люксембург носит двоякий характер. С одной стороны, Люксембург утверждает, что накопление в чисто капиталистическом обществе, даже при условиях, из которых исходит Маркс (товары продаются по стоимости, органическое строение капитала, норма накопления—неизменны) [2], невозможно (критика схем второго тома).

С другой стороны, она полагает, что реальные условия накопления, от которых Маркс счел возможным отвлечься, делают чисто капиталистическое накопление невозможным. Она указывает, что якобы существует противоречие между II томом и всем остальным учением Маркса о развитии капиталистического общества: 1) схемы Маркса исключают прогрессивный рост органического состава капитала, который делает невозможным накопление в чисто капи-

[1] Работа в основном написана в начале 1923 года, но по разным обстоятельствам залежалась и лишь в мае 1924 г. была прочитана как доклад в Научно-Исследовательском Институте при Университете имени тов. Зиновьева. Тяжеловесность работы частью об'ясняется тем, что она представляет доклад, где—с одной стороны—нужно было уложиться в минимальное время, а с другой—в виду спорности вопроса—пришлось взгляды как Р. Люксембург, так Маркса и Ленина, излагать цитатами.

P. S. № 4—5 «Под знаменем марксизма» со статьей тов. Бухарина с чьей критикой Р. Л. частью совпадает точка зрения автора, вышел и появился в Ленинграде после сдачи настоящей работы в печать, где она и задержалась (последний P. S. сделан в корректуре).

[2] «Мы должны здесь только рассмотреть те формы, которые проходит капитал в своем многообразном дальнейшем развитии. Не развиты, следовательно, те реальные соотношения, в пределах которых происходит действительный процесс производства. Все время предполагалось, что товар продается по своей стоимости. Конкуренция ка-

талистическом обществе; 2) условием реализации во II томе является пропорциональность производства, а в III томе Маркс признает одну пропорциональность недостаточной для реализации, вводя дополнительное условие—потребительную силу общества.

Я постараюсь изложить основные принципы теории реализации Маркса, затем перейду к разбору критики в обратной последовательности, чем это делает Люксембург: сначала разберу, действительно ли II-ой том находится в противоречии с остальным учением Маркса, и лишь затем перейду к разбору критики самих схем.

I. Теория реализации Маркса.

Воспроизводство, т.-е. непрерывный процесс производства, является условием существования всякого общества, поскольку только оно (воспроизводство) обеспечивает регулярное потребление.

В организованном обществе забота о воспроизводстве является делом регулирующей сознательной воли; последняя, т.-е. регулирующая воля, заботится, чтобы были налицо элементы производства, а значит и воспроизводства, в пропорциях, требуемых техникой, чтобы одновременно с потреблением средств потребления и средств производства совершался беспрерывный процесс их восстановления, воспроизводства. В капиталистическом обществе каждое отдельное предприятие работает за свой страх и риск, единственным стимулом и регулятором производства

питалов не рассмотрена, не рассмотрены и кредитное дело и действительное строение общества, которое отнюдь не состоит только из класса рабочих и промышленных капиталистов и где потребители, таким образом, не совпадают с производителями: первая категория (категория потребителей), доходы которых отчасти являются не первичными, а вторичными—производными от заработной платы) здесь значительно шире второй категории производителей, а потому способ расходования ее дохода и размер последнего вызывают в экономике, и особенно в процессе обращения и воспроизводства капитала, очень большие модификации». См. Маркс. «Накопление капитала и кризисы», из «Theorien über den Mehrwert». (Цитировано по Р. Л. стр. 231, см. перевод Бессонова стр. 26—27).

является прибыль, каждый капиталист совершенно не заботится и не вычисляет, сколько нужно произвести для восстановления основного капитала, для прокормления рабочих, капиталистов и т. д. Но, несмотря на всю анархию капиталистического общества, очевидно, имеются стихийные законы, которые оказывают свое действие, обеспечивая воспроизводство, иначе капиталистическое общество давным-давно рассыпалось бы. Ведь всякая общественная формация,—и в том числе капиталистическое общество, не взирая на то, что для него суб'ективно руководящими являются интересы прибыли,—об'ективно должна удовлетворять материальные потребности общества, и только тогда, когда суб'ективные цели, определяемые социальным устройством, приходят в столкновение с ее об'ективной задачей (бунт производительных сил против общественных пут), историческая форма общества обречена на гибель и замену другой [1].

Маркс, дав анализ движения индивидуального капитала в I томе, во II и III томах стал на точку зрения капиталистического общества в целом и показал, что, несмотря на внешнюю анархию и самостоятельность отдельного капиталиста, капиталистическое общество представляет связанную хозяйственную систему, обеспечивающую воспроизводство, и притом прогрессивное [2].

Регулятором этой системы является рынок, а основным законом—закон стоимости и вытекающий из него закон

[1] Этой связи между производством и потреблением никак не может понять Туган-Барановский, который предполагает гладкое развитие капиталистического общества при абсолютном сокращении удовлетворения материальных потребностей. Он полагает, что, если капиталистическое общество сможет технически обойтись одним рабочим, то оно совершенно спокойно, не ставя под вопрос свое существование, сможет соответственно сократить производство средств потребления. Туган упускает, что воспроизводство имеет не только техническую, но и социальную: сторону процесс роста производительных сил, наряду с падением потребления масс, не только относительно, но и абсолютно (последнее исторически неверно) должен отражаться в мозгах людей (ведь рабочие, почтенный профессор, не машины) революционизирующим образом, толкая их на замену капиталистического общества коммунистическим.

[2] Последнее, понятно, относится только к эпохе нормального капитализма, а не к переживаемой нами эпохе распада капитализма.

средней нормы прибыли, непосредственно управляющий капиталистическим обществом и обеспечивающий распределение капитала с целью воспроизводства [1].

Но, поскольку законы капиталистического общества суть тенденции, они сказывают свое влияние задним числом, и равновесие между элементами воспроизводства является случайностью и существует как тенденция, как точка, к которой капиталистическое общество стремится, отклоняясь то в одну, то в другую сторону. Это неоднократно подчеркивает Маркс в разных местах; так, он говорит: «Сюда присоединяется также и то, что процесс выравнивания всегда случаен, и пропорция распределения капиталов по отдельным сферам, хотя и выравнивается постоянным процессом, но самое постоянство этого процесса предполагает столь же постоянную диспропорциональность, выравнивать которую он должен непрерывно и часто насильственно» [2].

Тем не менее, при анализе совокупного капитала мы должны отвлечься от того обстоятельства, что капиталистическое общество развивается через кризисы и под'емы.

«Как бы ни казалось странным, — пишет Роза Люксембург,—это все же вполне рациональный метод; более того, это, с научной точки зрения, единственно приемлемый метод исследования». Далее она проводит аналогию с теорией стоимости, при разрешении которой мы предполагаем, что спрос и предложение уравновешиваются, и отвлекаемся от колебания цен, а не пытаемся, как это делает вульгарное экономическое понимание, разрешить проблему стоимости ссылками на колебания спроса и предложения.

«Если взять более длительный период, целый цикл со сменяющимися кон'юнктурами, то высокая кон'юнктура и кризис уравновешиваются, и мы в итоге получаем для всего цикла некоторую среднюю величину воспроизводства» [3].

И вот, эту идеальную среднюю Маркс иллюстрирует в III-ей главе II тома своими схемами. Маркс далее устанавливает

[1] См. «Капитал», т. III, часть II, стр. 421.

[2] «Накопление капитала и кризисы» из «Theorien über den Mehrwert», перевод С. А. Бессонова, стр. 26.

[3] «Накопление капитала» Розы Люксембург, стр. 7.

условия существования этой идеальной средней, которые, как сама средняя, существуют как тенденции. При определении этих условий Маркс исходит из своего гениального открытия, что как продукт индивидуального капитала, так и весь общественный продукт капиталистического общества состоит из $c + v + m$. Но общественный продукт, в противоположность индивидуальным, не только по стоимости должен равняться $c + v + m$, но в нем в натуральной форме должны быть: часть, равная c по стоимости, в форме средств производства; v — в форме средств существования рабочих; m (поскольку для капиталистического общества характерно воспроизводство на расширенной основе)—частью в форме средств потребления капиталистов, частью в форме средств производства и средств потребления рабочих. В связи с этим Маркс разбивает общественный продукт на три подразделения, при чем для простоты II-ое и III-ье подразделения сливает в одно. В дальнейшем Маркс определяет взаимоотношения между подразделениями. Я опускаю подробный анализ и привожу лишь готовые выводы:

$\text{I}\,c + \text{II}\,c < \text{I}$ (подразделения); $\text{I}\,(v + m) + \text{II}\,(v + m) > \text{II}$ (подразделения); $\text{II}\ c < \text{I}\,(v + m)$;

отмершая в каждом подразделении в данном году часть основного капитала по стоимости должна быть равна заново восстановленной, и, наконец, прибавочная стоимость, подлежащая накоплению в денежной форме, должна быть равна действительному накоплению на другой стороне, бросающей в обращение деньги. Маркс подчеркивает, что все эти условия равновесия превращаются в причины его нарушения при капиталистическом обществе, «превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, *так как равновесие при стихийно складывающемся строе этого производства само является случайностью*» (курсив мой. *М. Я.* [1]).

[1] «Капитал», том II, стр. 486, изд. 1919 г.

Вывод из анализа Маркса заключается в том, что чисто капиталистическое общество могло бы существовать, и если бы оно существовало, то через отклонения то в одну, то в другую сторону стремилось бы к пропорциональности, никогда, как правило, ее не достигая. Маркс не ставит в III-ем отделе II тома вопроса о росте затруднений при воспроизводстве по мере развития капиталистического общества или потому, что этот вопрос, как вопрос об условиях, подготовляющих гибель капиталистического общества им подробно разработан в I-ом и III-ем томах, или потому, что не успел этого сделать.

Представляет ли по Марксу в капиталистическом обществе реализация прибавочной стоимости затруднения? Поскольку для Маркса постоянным состоянием капиталистического общества является анархия, диспропорциональность, затруднения имеются не только при реализации прибавочной стоимости, но и постоянного капитала [1]. Но тем не менее, несмотря на трудности, реализация не только возможна, но происходит постоянно.

Усиливаются ли затруднения по реализации с развитием капиталистического общества? Да, отвечает Маркс, растут производительные силы капиталистического общества, растет его анархия, диспропорциональность, усиливаемая ростом органического строения капитала. Капиталистическое общество является по Марксу волшебником, который не может справиться с вызванным им духом.

II. Мнимые противоречия Маркса.

На этом, пожалуй, можно было бы покончить с изложением Маркса. Но Люксембург поднимает вопрос о противоречиях между II томом и остальным учением Маркса.

Одно из таких противоречий заключается в том, что схемы не учитывают прогрессирующей производительности труда, хотя она сама заявляет, что «в целях упрощения анализа такой прием сам по себе вполне допустим. Игнорирование изменений техники, которые идут параллельно накоплению капитала и неразрывно с ним связаны, должно, однако, быть принято во внимание и учтено по крайней мере после, при исследовании конкретных условий реализации всего общественного продукта и воспроизводства» [1].

Само собой, но в чем, собственно, противоречие? А вот в чем: «Важно только, чтобы они вообще были приняты во внимание и притом как явление периодическое. Но если дополнить соответственно с этим схему, то окажется, что даже при этом методе накопления ежегодно будет возникать возрастающий дефицит в средствах производства и возрастающий избыток в средствах потребления» [2].

Так было бы при полной пропорциональности производства на старой технической основе (например, подлежащая капитализации прибавочная стоимость, равная 100, находится в форме 80 c + 20 v согласно старой технической основе; рост техники выражается в том, что требуется 90 c + 10 v); так бывает при резких переворотах в технике. И далее Р. Люксембург продолжает свою аргументацию: «Отсюда вытекает необходимость прогрессирующего изменения в распределении капитализированной прибавочной стоимости между c и v. Но капиталисты марксовой схемы совершенно не в состоянии производить это распределение по своему желанию, так как они в деле капитализации связаны наперед с *вещественной формой* своей прибавочной стоимости» [3] (курсив Р. Люксембург).

Какое же здесь противоречие? Это означает лишь усиление диспропорциональности, вследствие роста органического строения капитала, ускорение кризисов. Ведь, Маркс не выдает своих схем, как это делает Туган, за фотографию действительности, не доказывает гладкого развития капиталистического общества и считает постоян-

[1] См. Вл. Ильин. «Экономические этюды». Изд. 1899 г., стр. 27.

[1] См. Р. Люксембург. «Накопление капитала», стр. 233.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 236.

ным явлением не пропорциональность, а диспропорциональность, которая, как это показали Маркс и Ленин, усиливается с развитием капиталистического общества и ростом техники. Но это создает затруднения при реализации всего капитала—как постоянной и переменной части, так и подлежащей накоплению прибавочной стоимости. Но тем не менее воспроизводство в расширенном масштабе происходит по законам, указанным Марксом, через отклонение от идеальной средней, которую представляют схемы.

Эта подмена Маркса Туганом видна и из следующего мнимого противоречия: «Схема, таким образом, исключает скачкообразное расширение производства. Она допускает только непрерывное расширение его, которое идет в ногу с образованием прибавочной стоимости и покоится на идентичности между реализацией и капитализацией прибавочной стоимости.

«По той же причине схема предполагает накопление, которое захватывает равномерно оба подразделения, следовательно, все отрасли капиталистического производства. Расширение сбыта скачками здесь исключается точно так же, как одностороннее развитие отдельных отраслей капиталистического производства, которые далеко забегали бы вперед по сравнению с другими.

«Следовательно, схема предполагает движение всего капитала, которое противоречит действительному ходу капиталистического развития. История капиталистического способа производства характеризуется, на первый взгляд, двумя фактами: с одной стороны, периодической скачкообразной экспансией всего поля производства и, с другой стороны, в высшей степени неравномерным развитием различных отраслей производства» [1].

Что можно ответить на это удивительное место? Ведь это или сплошная придирка, или сплошное непонимание Маркса. Это было бы верно, если Маркс доказывал бы, что капиталистическое общество развивается гладко, по схемам. Но где и когда Маркс утверждал, что схема есть картина действительности? Маркс

[1] См. Р. Люксембург. «Накопление капитала», стр. 238—239.

неустанно повторяет, что диспропорциональность капиталистического общества—постоянное явление, и время от времени она насильственно выравнивается: «Кризисы всегда представляют только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстановляют нарушенное равновесие» [1].

Итак, органический рост капитала и скачкообразное развитие капиталистического общества нисколько не противоречат схемам, которые лишь иллюстрируют идеальную среднюю за целый промышленный цикл, к которой капиталистическое общество стремится, никогда ее не достигая, как правило.

Следующее противоречие между II и III томами заключается, по мнению Р. Люксембург, в том, что: «Наконец, схема противоречит пониманию капиталистического процесса, взятого в целом, и его хода, как он был охарактеризован Марксом в III томе «Капитала». Основная мысль этого понимания заключается в имманентном противоречии между способностью производительной силы к безграничной экспансии и ограниченной способностью к экспансии общественного потребления при капиталистических отношениях распределения» [2].

В подтверждение своей мысли она приводит цитату из Маркса, часть которой я перепечатываю: «Условия непосредственной эксплуатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые—пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, но потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или

[1] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, ч. I, стр. 230, изд. 1923 г.
[2] См. Р. Люксембург. «Накопление капитала», стр. 239.

менее узких границах... Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона и все менее поддаются контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление» [1].

Каковы же выводы, которые Р. Люксембург делает из этой цитаты?

«Если сравнить это описание со схемой расширенного воспроизводства, то они отнюдь не совпадают. По схеме между производством прибавочной стоимости и ее реализацией нет никакого внутреннего противоречия, напротив того, между ними есть внутреннее тожество... Для процесса воспроизводства, как он представлен в схеме, потребительная сила общества тоже не является поэтому границей для производства. Расширение производства из года в год идет здесь автоматически вперед без того, чтобы потребительная сила общества вышла за пределы «антагонистических отношений распределения»... Но, согласно анализу III тома «Капитала», «рынок должен поэтому постоянно расширяться», «рынок», очевидно, должен выйти за пределы потребления рабочих и капиталистов...

(Р. Люксембург, как видно, полагает, что чисто капиталистическое общество систематически создает избыточный продукт. *М. Я.*).

«Следовательно, согласно схеме, противоречия, отмеченного в анализе III тома, не существует. Здесь, в процессе, как он представлен схемой, нет никакой необходимости расширять постоянно рынок за пределы потребления капиталистов и рабочих, и ограниченная потребительная способность общества вовсе не является препятствием для беспрепятственного хода производства и для его неограниченной способности к расширению. Схема, правда,

---

[1] См. К. Маркс. «Капитал», том III, часть I, стр. 289, изд. 1922 г.

допускает кризисы, но исключительно вследствие недостатка пропорциональности производства, т.-е. вследствие отсутствия общественного контроля над процессом производства. Напротив того, она исключает глубокое основное противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества—противоречие, которое возникает именно из накопления капитала, периодически проявляется в кризисах и побуждает капитал к постоянному расширению рынка» [1].

Все эти замечания о противоречиях между II и III томами можно свести к следующим положениям:

1) Схемы исключают противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества, о котором говорит Маркс в III томе.

2) По схемам ограниченная потребительная способность капиталистического общества не является препятствием для беспрерывного хода производства и для его неограниченной способности к расширению; во II томе реализация зависит от пропорциональности различных отраслей, а в III томе Маркс вводит дополнительное условие—потребительную силу общества.

В чем, собственно, заключается противоречие между производством и потреблением в капиталистическом обществе? Как будто бы, по Люксембург, в том, что ограниченная потребительная сила общества недостаточна, чтобы купить, реализовать всю массу средств потребления, и вывод, что, не будь докапиталистической среды, будет систематически получаться избыточный продукт. Другого толкования придать словам Р. Люксембург нельзя. Но ведь это старо: такое понимание противоречия между производством и потреблением мы слышали в 90-х г. от Нежданова, который в противоположность Р. Люксембург пытался доказать, что в капитализме нет никакого противоречия между производством и потреблением. Нежданов прямо и говорит: «Раз действительно существует противоречие между производством и потреблением,—это противоречие должно систематически давать избыточный

---

[1] См. Р. Люксембург. «Накопление капитала», стр. 240—242.

продукт»[1]. Нежданов в свое время получил исчерпывающий ответ от т. Ленина. Ленин указывает, что Нежданов придает какой-то странный смысл противоречию между производством и потреблением, и затем раз'ясняет, как это противоречие нужно понимать: «Я нигде не говорил, что это противоречие должно систематически давать избыточный продукт; я этого не думаю и подобного взгляда нельзя вывести из слов Маркса». А в примечании т. Ленин добавляет: «Подчеркиваю «систематически», ибо несистематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе вследствие нарушения пропопорциональности между разными отраслями промышленности. А известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности». Далее в тексте т. Ленин раз'ясняет, как понимал противоречие между потреблением и производством Маркс, с которым он целиком солидаризуется: «Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс. Понимаемое в этом смысле, рассматриваемое противоречие есть не подлежащий никакому сомнению, подтверждаемый ежедневным опытом миллионов людей факт, и именно наблюдение этого факта приводит работников ко взглядам, нашедшим полное научное выражение в теории Маркса. Это противоречие вовсе не ведет необходимо к тому, чтобы систематически производился избыточный продукт (как хочет думать г. Нежданов) (курсив мой. *М. Я.*) Мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, но мы не можем представить себе капитализма (курсив т. Ленина) без несоответствия между про-

[1] См. Нежданов, «Жизнь», № 4, за 1899 г.

изводством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления»[1].

В таком смысле Маркс говорит о противоречии между производительными силами и узким основанием, на котором покоится потребление в капиталистическом обществе. Растущее противоречие между производством и потреблением выражается в том, что все меньшая доля достается рабочим, обреченным на нищету, что отражается в их сознании революционизирующим образом (см. Ленин, том II, изд. 1923 г., стр. 499, пункт 3). Эти рассуждения относятся к идеальной пропорциональности; тем более сказывается противоречие в действительности при постоянной диспропорциональности, которая не дает возможности капиталистическому обществу полностью использовать производительные силы, а периодически приводит к всеобщему перепроизводству, из которого капиталистическое общество не может сразу выйти, в силу своего узкого потребительского базиса. Всякое организованное общество при перепроизводстве расширило бы свое потребление; капиталистическое общество этого сделать не может, ибо расширение потребления рабочих уменьшит или уничтожит прибавочную стоимость, ради которой капиталист ведет производство. Здесь особенно рельефно сказывается противоречие между производством и потреблением, присущее капиталистическому обществу во всякое время, в том числе и при под'еме. В этом смысле Маркс говорит, что «последней причиной всех действительных кризисов остается бедность и ограниченность потребления масс»[2]. Капиталистическое общество пытается выйти из затруднения, сбыв свои товары в докапиталистическую среду и там, взамен проданных, купив новые товары, натуральная форма которых дает возможность их применить и этим частично изжить диспропорциональность. «Внутреннее противоречие

[1] См. Ленин, том II, стр. 498, изд. 1923 г.

[2] См. Ленин: «Развитие капитализма», издание «Московский Рабочий» 1923 г., стр. 19, особенно примечание 1-ое (против Бернштейна).

стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства». Но об этом речь будет еще впереди.

Итак, никакого противоречия между II и III томами не оказалось; мнимое противоречие основано на неправильном понимании слова «противоречие», и заключительные слова т. Ленина по адресу Нежданова можно целиком отнести к Р. Люксембург. «Но не менее ясно, что из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей. Наоборот, было бы совершенно ошибочно делать из этого противоречия тот вывод, что капитализм должен систематически давать избыточный продукт, т.-е. что капитализм вообще не может реализировать продукта...» (Собр. соч., том II, стр. 501, 1923 г.).

Перейдем теперь к тесно связанному с разобранным «противоречием» вопросу, «что якобы в III томе Маркс вводит дополнительное условие реализации—потребительную силу общества». И здесь Люксембург не повезло: буквально то же самое с ссылкой на то же место из Маркса, которое приводит Р. Люксембург и которое я привел, утверждает Туган, с той разницей, что он полагает, что Маркс ошибался в III томе, а был прав во II томе, а по Люксембург выходит наоборот. Но оба сходятся, что противоречие имеется. Поэтому мне опять приходится прибегнуть к т. Ленину, который в свое время и этот вопрос достаточно ясно разобрал.

Имея в виду уже упомянутую цитату из Маркса, Туган-Барановский в своей работе о кризисах пишет: «Одна пропорциональность распределения национального производства еще не гарантирует возможности сбыта продуктов. Продукты могут не найти себе рынка, хотя распределение производства будет пропорционально,—таков, повидимому, смысл цитированных слов Маркса».—«Нет,—отвечает т. Ленин,—смысл этих слов не таков. Нет никаких оснований видеть в этих словах какую-то поправку к теории реализации, изложенной во II-ом томе. Маркс

констатирует лишь здесь то противоречие капитализма, на которое было указано и в других местах «Капитала», именно противоречие между стремлением безгранично расширить производство и необходимостью ограниченного потребления (вследствие пролетарского состояния народных масс) (курсив Ленина)...

«Потребительная сила общества» и «пропорциональность различных отраслей производства»—это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные друг с другом условия. Напротив, известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности» (собр. соч. Ленина, том II, стр. 474, изд. 1923 г.) (курсив мой. *М. Я.*).

Смысл этих слов заключается в следующем: потребительная сила капиталистического общества, которое знает лишь один платежеспособный спрос, определяемый в свою очередь производством, равна V (заработная плата рабочих) $+\frac{m}{x}$ (потребление класса капиталистов), и в «идеальном капиталистическом обществе», где существовала бы пропорциональность, которая в капиталистическом обществе отсутствует, стоимость средств потребления равнялась бы $V+\frac{m}{x}$, и тогда независимо от размеров потребления они будут целиком реализованы. В этом смысле потребление есть один из элементов пропорциональности, но даже в этом случае, когда не будет избытка продукта, противоречие между производством и потреблением будет социально существовать.

Итак, второе противоречие между II и III томами оказалось мнимым, ибо известное состояние потребления, как показал Ленин, есть элемент пропорциональности.

Само собой разумеется, мы вслед за Марксом и Лениным чужды выводов Тугана, что в капиталистическом обществе не существует зависимости между потреблением и производством. Мы на этом остановились в первой главе, сейчас же ограничимся изложением взглядов Ленина: «Но отсюда, разумеется, никак не следует, чтобы изготовление средств производства могло развиваться совершенно независимо от изготовления предметов по-

требления и вне всякой связи с ним (курсив Ленина). Маркс говорит по этому поводу: «Мы видели (книга II-я, отдел III-й), что происходит постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое, тем не менее, ограничено в конечном счете (definitiv) личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а происходит лишь оттого, что этого постоянного капитала больше потребуется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 289, русск. изд. 1922 г.) (Ленин—Собр. соч., т. II, стр. 474, изд. 1923 г.). Далее, Ленин в другой своей статье указывает отличие в этом вопросе между Марксом и мелкобуржуазными экономистами: «Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственною, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством (курсив Ленина). Но, хотя и посредственная, а все-таки связь есть: потребление в конечном счете должно итти за производством, и, если производительные силы рвутся к безграничному росту прозводства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма (курсив мой. *М. Я.*), но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как об'ективные условия этого превращения, так и суб'ективные условия, т.-е. сознание противоречия работниками» (Собр. соч. Ленина, т. II, стр. 500, изд. 1923 г.).

Итак, легенда о мнимом противоречии между II и III томами покоится, с одной стороны на непонимании того, что противоречие между производством и потреблением,

присущее капиталистическому обществу, не должно вести к систематическому производству избыточного продукта, что оно существует даже при полной реализации и что известное состояние потребления есть элемент пропорциональности; а с другой стороны — на непонимании, что связь между производством и потреблением, как общий закон всякой общественной формации, не исключает противоречия между ними в капиталистическом обществе.

III. Почему Люксембург считает невозможной реализацию прибавочной стоимости в чисто-капиталистич. обществе?

«Если мы говорим о реализации общественного продукта, то мы этим самым устраняем уже денежное обращение и предполагаем лишь обмен продуктов на продукты, ибо вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать возмещение всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме. Поэтому начать рассуждение о реализации и кончить его тем, что «сбудут-де продукты за деньги», — так же смешно, как если бы на вопрос о реализации постоянного капитала в предметах потребления был дан ответ: «продадут». Это просто грубый логический промах: люди сбиваются с вопроса о реализации всего общественного продукта на точку зрения единичного предпринимателя (курсив мой. *М. Я.*), которого, кроме «продажи иностранцу», ничто дальше не интересует. Припутывать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации — это значит увертываться от вопроса, отодвигая его на более широкое поле, нонисколько не выясняя его» (Экономические этюды и статьи Вл. Ильина, стр. 25, изд. 1899 г.) (курсив Ленина).

Основное положение теории Розы Люксембург может быть формулировано ее следующими словами: «Реализация прибавочной стоимости с целью накопления представляет собою в обществе, состоящем из капиталистов и рабочих, неразрешимую задачу».

Проследим ход мыслей Р. Люксембург. «Основным законом капиталистического производства в отличие от всяких других форм хозяйства, покоящихся на эксплуатации,

является не просто прибыль в виде чистого золота, но постоянно возрастающая прибыль. Большая часть полученной прибыли опять присоединяется к капиталу, затрачивается на расширение производства» «(Антикритика», стр. 7). «Поэтому, чтобы накопление совершалось, как непрерывный процесс, для капитала необходима постоянно возрастающая возможность сбыта товаров» «(Антикритика», стр. 8).

«От чего они зависят? Во власти ли капитала и кроется ли в существе самого его механизма производства возможность расширить сбыт соответственно его потребностям, как он приспособляет к своим потребностям количество рабочей силы? Ни в коем случае. Здесь находит свое выражение зависимость капитала от общественных условий. Несмотря на все свои кардинальные отличия от всех других общественных форм производства, капиталистическое производство имеет с ними то общее, что оно в последнем счете, — не взирая на то, что для него суб'ективно важны лишь интересы прибыли, как руководящая цель,— об'ективно должно удовлетворять материальные потребности общества; указанной суб'ективной цели оно может достигнуть лишь тем и лишь постольку, поскольку оно служит этой об'ективной задаче. Капиталистические товары лишь тогда и лишь постольку могут быть проданы, и заключающаяся в них прибыль лишь постольку может быть превращена в деньги, поскольку эти товары удовлетворяют общественную потребность. Постоянное расширение капиталистического производства, т.-е. постоянное накопление капитала связано, таким образом, со столь же постоянным расширением общественных потребностей» («Антикритика», стр. 8).

Первая часть цитаты содержит правильную мысль, что всякое общество должно удовлетворять свои материальные потребности, а значит обеспечивать воспроизводство. Другая мысль, что товары лишь постольку могут быть проданы, поскольку они удовлетворяют общественную потребность, основана на каком-то особом понимании общественной потребности.

Но что такое общественная потребность? Какую общественную потребность удовлетворяет накопление? Роза Люксембург критикует понятие общественной потребности с точки зрения индивидуального капиталиста, «ибо здесь общественной потребностью, с которой связан наш капиталист, была бы потребность других капиталистов, предпосылкой расширения его производства была бы предпосылка расширения их производства».

«Но вопрос сразу принимает определенный вид и строгие очертания, когда мы рассматриваем капиталистическое общество, как целое, с точки зрения совокупного капитала, т.-е.—в последнем счете—с единственно решающей и правильной точки зрения» («Антикритика», стр. 9).

И дальше Р. Люксембург переходит к рассмотрению капиталистического общества с точки зрения совокупного капитала: «Если мы рассмотрим капиталистическое производство, как целое, то общественная потребность тотчас же становится осязаемой величиной, распадающейся на осязаемые части.

«Представим себе, что все производимые в капиталистическом обществе товары ежегодно складываются на одном месте, в одну большую кучу, чтобы, как совокупная масса, быть использованной обществом. Мы тогда сразу же увидим, что вся эта товарная масса ясно распадается на несколько больших частей разного рода и разного назначения...

«Соответственно с этим мы в том общем капиталистическом складе товаров, который мы себе представили, найдем прежде всего большую часть товаров, которые представляют возмещение использованных в истекшем году средств производства... Как и при всяком другом обществе, вторая большая часть капиталистической товарной массы должна заключать в себе средства существования населения» («Антикритика», стр. 10—11). Последние распадаются на средства существования рабочих и капиталистов, доля первых по Р. Люксембург определяется V — заработной платой предшествовавшего промышленного цикла, доля вторых $\frac{m}{x}$. «Этим было бы покончено с двумя большими частями в нашей общественной товарной массе: со сред-

ствами производства для возобновления процесса труда и со средствами существования для содержания населения, т.-е. рабочего класса, с одной стороны, и класса капиталистов — с другой...

«Соответственно этому мы в нашем воображаемом едином складе капиталистического общества должны найти еще третью часть товаров, которая не предназначена ни для возобновления использованных средств производства, ни для содержания рабочих и капиталистов; все это мы уже рассмотрели. Это будет часть товаров, содержащая ту неоценимую долю выжатой из рабочих прибавочной стоимости, которая, собственно, и составляет жизненную цель капитала: прибыль, предназначенную для капитализирования, для накопления» («Антикритика», стр. 13—14).

Кто же является покупателем этой товарной массы, какую общественную потребность она удовлетворяет? «Итак, мы пока не видим покупателя, не видим никакой возможности сбыть последнюю часть товаров, продажа которых только делает возможным накопление» («Антикритика», стр. 16).

Таким образом, общественная потребность только состоит:

1) из потребности в средствах существования в прежнем масштабе,

2) из потребности в средствах производства опять-таки в прежнем масштабе.

Без удовлетворения этих обеих элементарнейших потребностей всякого человеческого общества,—говорит Р. Люксембург,—«культурное развитие и прогресс были бы невозможны». Чтобы при этих условиях была возможность прогресса, весьма сомнительно. Не прогресс, а полный застой определяют указанные условия простого воспроизводства. Определив таким образом, что товары могут быть проданы постольку, поскольку они удовлетворяют общественную потребность, а последнюю отождествив с условиями простого воспроизводства, Роза спрашивает, какую же общественную потребность удовлетворяет накопляемая прибавочная стоимость или—вернее—продукт ее. Естественно, получаем ответ, что никакой, и что сбыт

в расширенном масштабе невозможен. Это—популярное изложение в «Антикритике»; но если не так откровенно наивно, то по сути то же самое мы находим в основном ее труде. Разберем подробнее ход ее мыслей.

«Но воли к накоплению и наличности его технических предпосылок недостаточно в товарно-капиталистическом хозяйстве. Для того, чтобы накопление действительно совершалось, т.-е. чтобы производство расширялось, необходимо еще другое условие: расширение платежеспособного спроса на товары. Но откуда исходит этот постоянно возрастающий спрос, который лежит в основе прогрессирующего расширения производства в марксовой схеме?» (см. Р. Люксембург— «Накопление капитала», стр. 82) (курсив мой. *М. Я.*).

Подлежащая накоплению прибавочная стоимость не может быть потреблена капиталистами, так как последнее было бы смертным грехом против святого духа капитала, который требует накопления; не помогут «третьи лица»— чиновники, военные, ученые, художники,—так как они не обладают самостоятельным источником покупательной силы и являются сотрапезниками капиталистов и рабочих; не поможет естественный прирост населения, так как прирост класса капиталистов и без того предполагается возросшей абсолютно величиной потребленной прибавочной стоимости, а прирост рабочего класса в капиталистическом хозяйстве не является исходной точкой возрастающего потребления, и он не означает роста платежеспособного спроса со стороны рабочих. До сих пор Р. Люксембург безусловно права. Далее она замечает, что покупатели накопленной прибавочной стоимости не могут быть рабочие, так как их платежеспособный спрос равен переменному капиталу предшествующего периода. Но, в самом деле, так ли обстоит в действительности? Да, при условии простого воспроизводства, рабочие не могут потребить никакой части накопленной прибавочной стоимости; а если мы допустим вместе с Марксом, что каждый капиталист, а, стало быть, и все капиталистическое общество вынуждено воспроизводить на расширенной основе, то окажется, что рабочий сможет пред'явить дополнительный спрос,

так как в следующем году переменный капитал будет равен V+v (дополнительный переменный капитал, вызванный расширением производства), а рабочий потребляет продукт предшествующего производственного периода, ибо «его труд в течение прошлой недели или последнего полугодия—вот из какого источника оплачивается его сегодняшний труд или труд наступающего полугодия» («Капитал», т. I, стр. 374, изд. 1920 г.).

Роза Люксембург авансом постулирует невозможность накопления и декретирует простое воспроизводство.

Так, она говорит: «Может быть, капиталисты сами покупают друг у друга этот остаток товаров, и притом не для того, чтобы прокутить их в свое удовольствие, а затратить именно на расширение производства с целью накопления? Ибо что такое накопление, как не расширение капиталистического производства?..

«Пусть это будет так. Но подобное решение лишь переносит затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось и что расширенное производство в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы тогда найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?

«Если нам ответят, что это возросшее количество товаров и в следующем году будет обменено капиталистами между собой и затрачивается ими всеми опять-таки для расширения производства, и так из года в год, то мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае не капиталистическое накопление, т.-е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное: производство товаров ради производства, стало быть, с точки зрения капитала, совершеннейшая бессмыслица» («Антикритика», стр. 16—17).

Роза, собственно говоря, не отрицала того, что накопление технически возможно и что, если оно произойдет, то именно так, как рисует Маркс: она считает такое

накопление бессмысленным и бесцельным. Я уже цитировал по этому поводу, что «воли к накоплению и наличности его технических предпосылок недостаточно в товарно - капиталистическом хозяйстве» («Накопление», стр. 82). Я приведу для убедительности еще одно замечание Розы: «Что можно себе представить пропорции, которые он (имеется в виду Булгаков. *М. Я.*) списывает у Маркса,—в этом нет никакого сомнения. Столь же несомненно то, что, если расширение производства имело место, то оно может быть выражено в этих формулах. Но Булгаков упускает из виду главный вопрос: для кого же происходит расширение производства, механизм которого он исследует?» («Накопление», стр. 207) (курсив мой. *М. Я.*).

В другом месте Люксембург поясняет ту же самую мысль: «Но кто забирает у них продукты, в которых воплощена другая капитализированная часть прибавочной стоимости? Схема отвечает: отчасти сами капиталисты, производящие новые средства производства для расширения производства, отчасти новые рабочие, которые нужны, чтобы привести в движение эти новые средства производства. Но для того, чтобы дать работу новым рабочим и приводить в движение новые средства производства, прежде всего—с капиталистической точки зрения—должна быть на-лицо какая-нибудь цель для расширения производства, должен быть дополнительный спрос на продукты, подлежащие изготовлению» («Накопление», стр. 83).

Я позволю себе привести еще одну длинную цитату, ибо здесь по-моему центр ошибки Розы Люксембург: «Спрашивается, для кого же капиталисты производят, когда и поскольку они не потребляют, а проявляют «подвиги воздержания», т.-е. накопляют? Еще меньше может быть целью накопления капитала содержание все возрастающей армии рабочих. Потребление рабочих с капиталистической точки зрения является следствием накопления и ни в коем случае не его целью и предпосылкой; в противном случае основы капиталистического производства были бы поставлены на голову. Во всяком случае рабочие могут потребить только часть продукта, соответствую-

щую их переменному капиталу, и ни на иоту больше. Итак, кто реализирует постоянно возрастающую прибавочную стоимость? Схема отвечает: сами капиталисты и только они. Что же они делают со своей возрастающей прибавочной стоимостью? Схема отвечает: они употребляют ее для все возрастающего расширения своего производства. Эти капиталисты являются, стало быть, *фанатиками расширения производства ради расширения производства*» («Накопление», стр. 232) (курсив мой. *М. Я.*).

Здесь мы подходим к основному пункту возражения Розы; она замечает: «Где начало? инициатива? Импульса не видно» («Антикритика», стр. 9).

Она оставляет здесь точку зрения совокупного общественного капитала. Если бы Роза держалась прежней неудачной терминологии—«общественная потребность», то вопрос бы гласил, какую общественную потребность удовлетворяет подлежащая капитализации прибавочная стоимость.

Термин «общественная потребность» чрезвычайно неудачен в применении к капиталистическому обществу, ибо он скрадывает стихийность и классовость капиталистического общества, где мы имеем дело с об'ективным результатом. Но даже такая постановка вопроса навела бы ее на ответ о росте производительных сил, который в сознательно регулируемом обществе был бы целью, общественной потребностью, а в капиталистическом обществе достигается через принудительный закон накопления, которое об'ективно означает тот же рост производительных сил. Но вместо этого Р. Л. оставляет точку зрения всего общества в целом, точку, которая только может об'яснить, как капиталистическое общество, несмотря на анархию и погоню за прибылью, служит об'ективной задаче—удовлетворению потребностей общества в возрастающих размерах,—и переходит на точку зрения индивидуального капиталиста, ставя вопрос: «для чего», где «стимул к накоплению»? «где цель», «где импульс», «где смысл»?

В этом смешении точки зрения индивидуального капиталиста, с которой всякое действие имеет свою цель,

смысл, стимул, — и точки зрения совокупного капитала, где отсутствует смысл, цель, а есть об'ективный результат,— коренная ошибка Р. Люксембург. И критика ее до сих пор была большей частью неудачной, потому что она сама стояла на этой точке зрения, пытаясь осмыслить капиталистическое накопление, найти его цель. В развитии капиталистического общества в целом много бессмысленного, бесцельного, даже вредного с точки зрения «индивидуального капиталиста», так как капитализм в своем развитии порождает своего могильщика и подготовляет условия социалистического общества. В «Людвиге Фейербахе» Энгельс говорит: «В истории редко случается то, чего желают; в большинстве же случаев многочисленные цели, которых желают, сталкиваются между собой и противодействуют друг другу... Таким образом, столкновение бесчисленных единичных воль и единичных действий создает в области истории состояние совершенно аналогичное состоянию бессознательной природы. Цели действий являются предметом желания, но результаты, которые получаются от действия, не являются предметом желания, или же, поскольку они соответствуют желаемым целям, они имеют совершенно иные, а не желаемые последствия».

У Люксембург и Маркса разные точки зрения на совокупный капитал. Роза навязывает капиталистическому обществу в целом цель, ищет стимула, когда это может быть только у организованного общества. Каждый отдельный капиталист имеет стимул—спрос со стороны—и цель—сохранить и увеличить свой капитал, производить прибавочную стоимость, а об'ективный результат единичных воль и действий—рост производительных сил, рост господства общества над природой и, наконец, крах капитализма и социализм.

Роза Л. сама, излагая Маркса, говорит: «Капиталистический способ производства не просто создает в жажде капиталиста получить прибавочную стоимость импульс к беспрестанному расширению воспроизводства,—он превращает это расширение прямо-таки в принудительный закон, в условие хозяйственного существования для отдельного капиталиста» («Накопление», стр. 10).

Каждый капиталист вынужден заниматься «производством ради производства», ибо только оно сохраняет его капитал от разорения в конкуренции.

Маркс в III томе замечает: «А теперь возьмем прибыль. Эта определенная форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что созидание новых средств производства будет совершаться в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода» («Капитал», том III, часть II, стр. 421).

По отношению к индивидуальному капиталисту можно ставить вопрос, почему и для чего он расширяет производство, но этого вопроса нельзя ставить по отношению к совокупному капиталу, «так как здесь (в капит. об-ве. *М. Я.*) взаимная связь всего производства навязывается лицам, действующим в производстве, как слепой закон, а не как закон, который, постигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняет их общему контролю процесс производства» («Капитал», том III, часть I, стр. 238).

Ту же мысль он повторяег и в другом месте: «Среди самих носителей авторитета, среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в рамках которой общественная связь производства осуществляется лишь как мощный закон природы, подчиняющий себе индивидуальный произвол» («Капитал», том III, часть 2, стр. 420) [1].

Это как будто бы азбучные истины! Маркс исследует, что получается из столкновения воль и целей отдельных капиталистов, каждый из которых в погоне за прибылью вынужден капитализировать часть своей прибавочной стоимости.

И все содержание его трудов заключается в ответе, что капиталистическое общество вынуждено воспроизво-

[1] Ср. Бухарин, «Экономика переходного времени», стр. 9.

дить на расширенной основе, что ведет к его гибели и замене его социализмом.

Итак, Роза Люксембург, не отрицая технической возможности реализации прибавочной стоимости, считает ее невозможной в чисто капиталистическом обществе, потому что она бесцельна, что производство ради производства бессмысленно. Роза Люксембург здесь забыла о принудительности расширенного воспроизводства для отдельного капиталиста и об отсутствии цели у капиталистического общества в целом.

Она забыла, что только реализация прибавочной стоимости дает капиталистическому обществу возможность, как говорил т. Ленин, выполнить свою историческую «миссию», которая «состоит именно в развитии производительных сил общества (производство ради производства)» («Экономические этюды», стр. 20), и что в этом, наконец, диалектика развития капиталистического общества, когда каждый индивидуальный капиталист вынужден расширять свое производство, а общество в целом развивать свои производительные силы, которые дают основу для похорон капиталистического общества. Таким образом, основная ошибка Р. Люксембург методологического характера—она рассматривает движение капиталистического общества в целом с точки зрения индивидуального капиталиста. Она правильно исходит из положения, что индивидуальный капиталист производит с целью получить прибыль, а непосредственным стимулом, импульсом к воспроизводству, и притом расширенному, для него является действительный или предполагаемый спрос, который исходит из среды, находящейся вне его предприятия.

Индивидуальный капиталист не станет производить и воспроизводить в расширенном масштабе с целью применить весь произведенный продукт в своем предприятии из года в год, даже если технически это было бы возможно. Это было бы бессмысленной каруселью, бессмысленным производством ради производства. Для того, чтобы индивидуальный капиталист воспроизводил и притом на рас-

ширенной основе, должен быть толчок извне в виде платежеспособного возрастающего спроса, действительного или предполагаемого. Но Р. Люксембург эти предпосылки воспроизводства индивидуального капитала применяет к капиталистическому обществу в целом. Она полагает, что и капиталистическое общество в целом для воспроизводства должно иметь стимул в виде платежеспособного спроса, исходящего из внешней среды (докапиталистической среды), ибо при отсутствии его будет бессмысленное, бесцельное производство ради производства, которое, будучи технически возможным, не может иметь места, как бессмысленное и бесцельное.

В этом ее коренная ошибка. Капиталистическое общество в целом имеет не стимул для воспроизводства, а об‘ективный закон, который вынуждает воспроизводить на расширенной основе и этим самым создает внутренний спрос. В этом нет ничего бессмысленного, ибо к капиталистическому обществу в целом не применимы понятия смысла и цели и, наоборот, единственный исторический «смысл капиталистического общества» в бессмысленном (с точки зрения индивидуального капиталиста) производстве ради производства, об‘ективно означающего рост производительных сил, абсолютный рост потребления (абсолютный рост переменного капитала). Этот рост происходит не под действием стимула, стимула-спроса из внешней среды, а принудительного закона, который действует, как «естественный закон» (см. вышеприведенную цитату из «Л. Фейербаха»).

Индивидуальный капиталист, чтобы производить, должен иметь стимул в виде внешнего спроса; капиталистическое общество в целом знает лишь принудительный закон. Индивидуальный капиталист имеет цель—получить прибыль; капиталистическое общество имеет об‘ективные результаты—рост производительных сил, подготовку своей гибели и социализма.

«Бессмысленное производство ради производства», ведущее к росту производительных сил, есть единственный «исторический смысл» капиталистического общества. И тогда,

когда оно начинает бороться с «производством ради производства», ограничивая рост производительных сил через монополии, наступает процесс гниения капиталистического общества (см. Ленин—«Империализм»).

IV. Значение докапиталистической среды у Люксембург, Маркса и Ленина.

Но если мы зададим Розе вопрос: ну, а как же об‘яснить факт накопления капитала, а стало быть и реализацию прибавочной стоимости?—то получим неожиданный ответ, чрезвычайно простой, что спрос на прибавочную стоимость пред‘являет некапиталистическая среда, где она реализируется.

«Так как этим путем в пределах капиталистического общества решительно невозможно найти покупателей товаров, в которых заключена накопленная часть прибавочной стоимости, то остается только одно: внешняя торговля» («Накопление», стр. 85).

В другом месте она ту же мысль поясняет: «Реализация прибавочной стоимости является в самом деле жизненным вопросом капиталистического накопления. Если мы для простоты совершенно оставим в стороне потребительный фонд капиталистов, то реализация прибавочной стоимости в виде первого условия потребует круга покупателей вне капиталистического общества» («Накопление», стр. 245) (курсив мой. *М. Я.*).

Наконец, третья цитата: «Иначе обстоит дело с реализацией прибавочной стоимости. Она заранее связана с некапиталистическими производителями и потребителями, как таковыми. Следовательно, существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления, а потому и решающим вопросом проблемы накопления капитала» («Накопление», стр. 257).

Итак, реализация прибавочной стоимости возможна только путем сбыта, обмена с некапиталистической средой, путем внешней торговли (как видно, под внешней торговлей надо понимать всякий обмен с докапиталистиче-

ской средой, даже в собственной стране). Само собой, мы не оспариваем взгляда Люксембург на то, что капиталистическое накопление не могло бы итти столь быстрым темпом, если бы не было докапиталистической среды. Люксембург блестяще показала, что грабеж, который характеризует первоначальное накопление, продолжается до сих пор и создает основу для быстрого развития капиталистического производства. Она права, когда подчеркивает значение докапиталистической среды, как резервуара рабочей силы. Значение докапиталистической среды для накопления в других отношениях укажу в конце.

Речь идет, понятно, не о значении докапиталистической среды для развития капитализма, а о «п р я м о м у с л о в и и с у щ е с т в о в а н и я к а п и т а л а» (курсив мой. *М. Я.*). Но тут мы сразу натыкаемся на следующие возможности:

1) Товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, вывозятся их собственниками для приложения в другой стране или покупаются другими лицами и государствами на предоставленный заем и экспортируются.

2) Товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, продаются за золото.

3) Товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, обмениваются на другие товары, потребительная форма которых пригодна для воспроизводства.

Разберем 1-ый случай, он распадается на следующие частные случаи:

a) Вывезенные товары служат расширению производства на капиталистических основах в другой стране — это ничего нового не вносит. От этого Маркс счел возможным абстрагироваться, рассматривая «весь торгующий мир, как одну нацию» (накопление произошло не в стране А, а в стране Б; если Б докапиталистическая страна, то мы имеем лишь территориальное расширение капитала).

b) Товары идут не на расширение производства, а на непроизводительные расходы, например милитаризм. В этом случае никакого действительного накопления не произойдет, появится лишь фиктивный капитал, титул на доход.

c) Товары покупаются на предоставленный заем и служат расширению производства на некапиталистических началах. Напр., Советская Россия, покупая на предоставленный заем средства производства, расширяет свое производство. В этом случае мы имеем в капиталистических странах простое воспроизводство и опять рост только фиктивного капитала.

Во всех случаях до- и некапиталистическая среда, куда экспортируется товар, или исключает накопление капитала, или не об'ясняет накопления, если оно имеет место. Причины экспорта капитала заключаются по Марксу в следующем: «Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли» («Капитал», т. III, ч. I, стр. 238).

2-ой случай. Товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, обмениваются на золото. Эта мысль как будто бы временами приходит Розе Люксембург. Она заявляет, что допущение реализации прибавочной стоимости в чисто капиталистическом обществе приведет к тому, «что мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае н е к а п и т а л и с т и ч е с к о е н а к о п л е н и е, т.-е. н е н а к о п л е н и е д е н е ж н о г о к а п и т а л а, а н е ч т о п р о т и в о п о л о ж н о е» («Антикритика», стр. 17). (Курсив мой. *М. Я.*).

Важно подчеркнуть, что капиталистическое накопление есть, по Розе Люксембург, денежное накопление капитала. Эту мысль она расшифровывает: «Итак, мы остаемся при старом: совокупный общественный капитал дает постоянно и притом в денежной форме совокупную прибыль, которая в целях совокупного процесса накопления должна возрастать» («Антикритика», стр. 31).

В другом месте она то же самое повторяет: «Если капиталисты, как класс, всегда лишь сами являются покупателями всей своей товарной массы (за исключением той части, которую они постоянно должны уделять рабочему классу на его содержание), если они сами должны

собственными деньгами постоянно покупать товары и превращать в золото заключающуюся в них прибавочную стоимость, то накопление прибыли, накопление классом капиталистов, как целого, невозможно» («Антикритика», стр. 17).

Как понимать эти места? Как будто так, что совокупная прибыль должна быть в форме золота. Но ведь это нелепость, так как в таком случае невозможно действительное накопление, ибо с точки зрения всего общества золото не превратишь ни в постоянный капитал, ни в средства потребления рабочих. Ведь это—полное непонимание Маркса, которого Роза так правильно и блестяще изложила в первых главах своего труда,—Маркса, который выдвигает, что, при анализе всего совокупного капитала, условия воспроизводства, простого, как и расширенного, заключаются в том, чтобы общественный продукт не только по стоимости, но и по натуральной своей форме содержал элементы воспроизводства. Этот случай аналогичен тому, который Маркс рассматривает, предполагая всеобщее накопление классом капиталистов прибавочной стоимости в форме золота, и который он признает невозможным. Мне кажется, что замечание Ленина, приведенное мною эпиграфом к III гл., относительно Сисмонди, которого Роза так сочувственно излагает и в непонимании которого она обвиняет Ленина,—будет как раз кстати.

Роза чувствует, что она попала в тупик: «Однако, реализация прибавочной стоимости не является единственным существенным моментом воспроизводства. Положим, что подразделение I сбыло прибавочную стоимость вне пределов обоих подразделений и что оно может начать накопление. Допустим далее, что оно имеет в виду новое расширение сбыта в тех же общественных кругах. Но этим все-таки дается лишь половина условий для накопления. В качестве второй предпосылки для накопления здесь выступает необходимость найти соответствующие вещественные элементы для расширения производства. Но откуда их взять, раз мы только что превратили прибавочную стоимость, как раз в форме продуктов 1, т.-е. средства производства, в деньги и притом сбыли ее вне капиталистического производства? Сделка, которая помогла нам в деле реализации прибавочной стоимости, в то же самое время лишила нас предпосылок для превращения этой реализованной прибавочной стоимости в форму производительного капитала. Таким образом оказывается, что мы попали из огня в полымя. Рассмотрим вопрос поближе» («Накопление», стр. 248).

Какой же выход предлагает Люксембург? «С возрастанием производительности труда и расширением размеров производства эта масса средств производства растет не только абсолютно, но и относительно, по сравнению с той частью, которая в данное время потребляется в производстве. Но в то же время растет и потенциальная роль постоянного капитала. Для расширения воспроизводства прежде всего принимается во внимание сильнейшее напряжение этой части постоянного капитала, а не непосредственное увеличение ее стоимости» («Накопление», стр. 249).

В подтверждение своей мысли Роза цитирует Маркса: «В добывающей промышленности, напр. в горном деле и т. п., сырые материалы не входят в состав авансированного капитала... Благодаря эластичности рабочей силы, область накопления расширяется без предварительного увеличения постоянного капитала... Общий итог будет таков: овладевая двумя первоначальными факторами богатства, рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, повидимому, его собственной величиной, т.-е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в которых реализуется бытие капитала» [1].

Во-первых, здесь небольшая передержка, так как мысль Маркса, что в горном деле сырые материалы не входят в авансированный капитал, никак нельзя распространить на все капиталистическое об-во. Но допустим, что нам удалось увеличить напряжение постоянной части

[1] «Капитал», т. I, стр. 566.

капитала без увеличения ее стоимости—тогда нам придется или увеличить переменный капитал, или увеличить эксплуатацию рабочих. Но последнее не всегда удается, а если не удастся, если придется нанимать новых рабочих, то чем прикажете их кормить? Ведь накопленная прибавочная стоимость находится в форме золота. С точки зрения индивидуального капиталиста или рабочего можно всегда золото превратить в любой товар, но с точки зрения всего общества, не совершая чуда, золото в хлеб никак не превратишь.

Далее, напряжение машин требует дополнительного сырья, да, наконец, сами машины можно напрягать до известного предела, а если предел достигнут—то для расширения производства требуются новые машины, именно подлинные машины, а не золото, в которое превращена прибавочная стоимость. Поражаешься, как могла Роза Люксембург так рассуждать! Итак, второй случай нам придется отбросить. Разберем третий случай. Товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, обмениваются на другие товары, потребительная форма которых пригодна для воспроизводства.

Роза Люксембург чувствует, что она запуталась, спешит выбраться и заявляет сразу же после приведенной цитаты Маркса: «Совершенно нельзя понять, почему все необходимые средства производства и средства потребления должны быть произведены только капиталистически. Как раз это допущение лежит в основе Марксовой схемы накопления, но оно не соответствует ни повседневной практике и истории капитала, ни специфическому характеру этого способа производства» («Накопление», стр. 250). Здесь Роза Люксембург имеет в виду, что путем внешней торговли подлежащая капитализации прибавочная стоимость обменивается с докапиталистической средой на товары, натуральная форма которых обеспечивает возможность расширенного воспроизводства. Правда, что Маркс абстрагировался от этого обстоятельства в своих схемах, но неверно, что он этого не учел. «Если страна не может сама доставить той массы машин, какую допускает ее накопление капитала, то она покупает их за границей. То же самое—если она не может сама доставить необходимую массу средств существования (для заработной платы) и сырого материала» (К. Маркс, «Накопление капитала и кризисы», перев. Бессонова, стр. 25).

И Роза ничего не открывает нового, когда она говорит: «В первой половине XIX столетия прибавочная стоимость в Англии выходила из процесса производства большей частью в виде хлопчато-бумажных тканей. Но вещественные элементы ее капитализации,—хлопок из рабовладельческих штатов Американского союза или хлеб (средства существования английских рабочих) из житниц крепостной России,—хотя и представляли собой прибавочный продукт, но отнюдь не прибавочную стоимость» («Накопление», стр. 250).

Эти замечания вполне правильны, и, как я показал, Маркс считался с ними, но они относятся не только к реализации прибавочной стоимости, но и к реализации частей постоянного и переменного капитала, заключенных в хлопчато-бумажной ткани. Люксембург говорит здесь о разделении труда между отдельными странами и местностями, которое Маркс предполагал, рассматривая «весь торгующий мир, как одну нацию» (см. Роза Люксембург, «Накопление», стр. 247).

По существу ничего не изменилось бы в реализации прибавочной стоимости, находящейся в форме ткани, если бы хлопок и хлеб, как оно частично имеет место, производились не в рабовладельческой Америке и крепостной России, а в капиталистически обрабатываемых плантациях и сельско-хозяйственных фермах. Итак, и третий случай ничего не дает.

Я уже указывал, что ни Маркс, ни Ленин и никто из их последователей не отрицают значения докапиталистической среды для развития капитализма; но, если мы исследуем законы капиталистического воспроизводства, то необходимо от нее отвлечься. Так, Маркс говорит: «Капи-

талистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если мы предполагаем нормальное годичное воспроизводство в раз данном масштабе, мы тем самым представляем дело так, что внешняя торговля лишь возмещает туземные предметы предметами иной потребительной или натуральной формы, при чем она не оказывает влияния на отношения стоимости, а следовательно, и на те отношения стоимости, в которых обмениваются друг на друга две категории: средства производства и средства потребления, равно как на отношения постоянного капитала, переменного капитала и прибавочной стоимости, на которые может быть разложена стоимость продукта каждой из этих двух категорий. Поэтому привлечение внешней торговли к анализу ежегодно воспроизводимой стоимости продукта, не давая ничего нового ни для проблемы, ни для разрешения, может лишь ввести путаницу. Следовательно, необходимо совершенно абстрагироваться от нее («Капитал», т. II, стр. 460).

Ту же самую мысль развивает Ленин в борьбе против народников и Сисмонди: «А внешний рынок? Не отрицаем ли мы необходимость внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом о реализации, и попытка связать их в одно целое характеризует лишь романтические пожелания «задержать» капитализм и романтическую неспособность к логике. Теория, раз'яснившая вопрос о реализации, показала это с полной точностью... Спрашивается, не даром ли уже отдают капиталисты свои продукты иностранцам или не бросают ли они их в море? Продают— значит получают эквивалент; вывозят одни продукты— значит ввозят другие. Если мы говорим о реализации общественного продукта, то мы этим самым устраняем уже денежное обращение и предполагаем лишь обмен продуктов на продукты, ибо вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать возмещение всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме... Припутывать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации—это значит увертываться от вопроса, отодвигая его лишь на более широкое поле, но нисколько не выясняя его (курсив Ленина)[1].

Ту же самую мысль т. Ленин развивает в своей работе «Развитие капитализма в России»: «В самом деле, есть ли хоть частица здравого смысла в этом привлечении внешнего рынка к вопросу о «реализации»?

Вопрос о реализации состоит в том, каким образом для каждой части капиталистического продукта по стоимости (постоянный капитал, переменный капитал и сверхстоимость) и по его материальной форме (средства производства, предметы потребления, в частности предметы необходимости и предметы роскоши) найти замещающую ее на рынке другую часть продукта. Ясно, что внешняя торговля должна быть при этом абстрагирована, ибо привлечение ее ни на волос не подвигает вперед решения вопроса, а только отодвигает его, перенося вопрос с одной страны на несколько стран. Тот же самый г. Н—он, который нашел во внешней торговле «выход из затруднения» по реализации сверхстоимости, рассуждает, например, о заработной плате таким образом: тою частью годичного продукта, которую получают в виде заработной платы непосредственные производители-рабочие, «можно извлечь из обращения только такую часть средств существования, которая по стоимости равняется валовой сумме заработной платы» (203). Спрашивается, откуда знает наш экономист, что капиталисты данной страны произведут как раз столько и как раз такого качества средства существования, чтобы они могли быть реализованы заработной платой? Откуда знает он, что при этом можно обойтись без внешнего рынка? Очевидно, что знать он этого не может, что он просто устранил вопрос о внешнем рынке, ибо в рассуждении о реализации переменного капитала важно замещение одной части продукта другою и вовсе не важно, произойдет ли это замещение внутри одной или внутри двух стран. Однако, по отношению к сверхстоимости, он отступает от этой необходимой по-

[1] Вл. Ильин (Ленин). «Экономические этюды и статьи», стр. 25—26, изд. 1899 г.

сылки и, вместо решения вопроса, просто уклоняется от вопроса, говоря о внешнем рынке. Сбыт продукта на внешнем рынке сам требует об'яснения, т.-е. нахождения эквивалента для сбываемой части продукта, нахождения другой части капиталистического продукта, способной заменить первую» (В. Ульянов (Ленин), «Развитие капитализма в России»—«Моск. Рабоч.», стр. 9—10, 1923 г.).

Как будто бы последняя цитата бьет не в бровь, а прямо в глаз Розе Люксембург, которая, избегнув ошибки народников о делении общественного продукта, в остальном стоит на их же позиции.

Мы разобрали три возможности при реализации прибавочной стоимости в некапиталистической среде: все они оказались предусмотренными и разобранными Марксом и Лениным, и непонятно, как этого не поняла Люксембург и так беспомощно запуталась. Внешний рынок, таким образом, ничего нового не вносит в проблему реализации, это указано Марксом и уточнено Лениным. Внешний рынок, как спаситель капиталистического общества, которое не может само реализовать накопленной прибавочной стоимости, — старая и давно опровергнутая истина.

Но из того, что мыслимо теоретически чисто капиталистическое общество, отрицал ли кто-либо значение докапиталистической среды для развития капитализма? Так Ленин говорит в «Этюдах» (стр. 25, изд. 1899 г.):

«А внешний рынок? Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом о реализации»...

А в своей статье в «Научном Обозрении» № 8, за 1899 г., он ставит вопрос еще резче: «Теория реализации есть абстрактная теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Необходимыми посылками этой абстрактной теории является, во-первых, абстрагирование внешней торговли, внешних рынков. Но, абстрагируя внешнюю торговлю, теория реализации отнюдь не утверждает, чтобы когда-либо существовало или могло существовать капиталистическое общество без внешней торговли. Во-вторых, абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать «пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но, предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально. Г. Булгаков совершенно справедливо сравнивает теорию реализации с теорией стоимости» (Собр. соч., т. II, стр. 482, 1923 г.). (Курсив мой. *М. Я.*)

А раз так, раз согласно Марксу пропорциональность, которая является условием гладкого развития капитализма, является случайностью («Накопление капитала и кризисы», перевод Бессонова, ст. 26, 54; «Капитал», т. III, стр. 238 и др., изд. 1923 г.), постоянным же фактом — диспропорциональность, то внешний рынок дает возможность изжить частично образовавшуюся диспропорциональность, обменяв часть товаров, которые произведены в большем количестве, на те, которых не хватает, и тем самым отдалить кризис. Маркс это имеет в виду, когда говорит: «Но внешняя торговля, поскольку она не просто возмещает элементы (между прочим и по стоимости), лишь отодвигает противоречия в более широкую сферу, открывает им больший простор» («Капитал», т. II, стр. 458, изд. 1919 г.).

Это имеет в виду Ленин, когда он говорит: «Не только продукты (или части продуктов), возмещающие сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный и постоянный капитал... все одинаково реализуются лишь среди затруднений — среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма»... («Этюды», стр. 27).

В капиталистическом обществе вследствие анархии образуется перенакопление в ряде отраслей—внешний рынок дает им возможность смягчить диспропорциональность. Если бы капиталистическое общество не имело докапиталистической среды, которая своим отмиранием ча-

стично дает выход диспропорциональности, смягчая ее, то диспропорциональность проявлялась бы в кризисах чаще, бунт производительных сил против общественных пут был бы сильнее, и капиталистическое общество быстрее погиблобы, страдая от частых кризисов. Это неоднократно указывалось Марксом и Лениным, которых я уже цитировал; в дополнение приведу еще лишь одно место: «Во-2-х, то соответствие между отдельными частями общественного производства (по стоимости и по натуральной форме), которое необходимо предполагалось теорией воспроизводства общественного капитала и которое на деле устанавливается лишь как средняя величина из ряда постоянных колебаний, — это соответствие постоянно нарушается в капиталистическом обществе вследствие обособленности отдельных производителей, работающих на неизвестный рынок. Различные отрасли промышленности, служащие «рынком» друг для друга, развиваются неравномерно, а обгоняют друг друга, и более развитая промышленность ищет внешнего рынка. Это нисколько не означает «невозможность для капиталистической нации реализовать сверхстоимость», как готов глубокомысленно заключить народник. Это указывает лишь на непропорциональность в развитии отдельных производств: при другом распределении национального капитала то же самое количество продуктов могло бы быть реализовано внутри страны (курсив мой. *М. Я.*). Но для того, чтобы капитал оставил одну область промышленности и перешел в другую, необходим кризис в этой области, и какие же причины могут удержать капиталистов, которым грозит такой кризис, от поисков внешнего рынка? от поисков пособий и премий для облегчения вывоза и т. д.?» (Ульянов-Ленин, «Развитие капитализма в России», стр. 25—26, изд. «Московск. Рабоч.» 1923 г.). Безусловно нужно признать, что распространенная теория империализма Гильфердинга, об‘ясняя империализм лишь погоней за добавочной прибылью путем монополизации рынка сбыта и сырья, упускала из виду значение колоний, как клапана для диспропорциональности, который отодвигает кризис. Колонии дают возможность, помимо

получения бешеной прибыли, отодвигать кризис, и в этом смысле докапиталистическая среда является для существования капиталистического общества вопросом жизни; поскольку диспропорциональность по мере развития капиталистического общества усиливается, постольку колонии приобретают все более и более жизненное значение для капитализма.

Необходимо еще остановиться на одном заявлении Розы Люксембург, что будто бы революционная теория Маркса расходится с его теорией реализации, обеспечивающей капиталистическому обществу вечное существование. Она говорит: «Так как производство может беспрепятственно расти, т.-е. неограниченно развивать производительные силы, и в том случае, когда положительно над всем миром будет господствовать капитал и когда все человечество будет состоять из одних только капиталистов и наемных пролетариев, и так как экономическому развитию капитализма этим самым не поставлены никакие границы, то падает одна из основных Марксовых опор социализма» («Антикритика», стр. 34).

Откуда Роза взяла, что «производство может расти беспрепятственно, неограниченно развивая производительные силы»? При каком условии границей производства всякого общества являются его производительные силы, как имеет в виду здесь Роза Люксембург? На это Маркс в своих схемах отвечает, что—только при полной пропорциональности. Какова же граница капиталистического общества? Роза навязывает Марксу, что такой границей являются производительные силы. Роза спутала Маркса с Туганом. Для Тугана схемы—фотографии действительности, схемы показывают для него, несмотря на все его оговорки, что пропорциональность капиталистического общества есть факт, диспропорциональность—случайность, —и границей капиталистического общества являются производительные силы. Совсем иначе подходит к схемам Маркс: для него диспропорциональность факт, и отсюда границей капиталистического общества ни в коем случае не могут служить производительные силы, к которым капиталистическое общество стремится, никогда этой

границы не достигая, поскольку пропорциональность капиталистического производства есть случайность (см. стр. 26 «Накопление капитала и кризисы», перевод Бессонова). Поэтому Маркс говорит о бунте производительных сил против общественных форм, который усиливается с ростом капиталистического общества и с отмиранием докапиталистической среды, так как все это ведет к росту и обострению диспропорциональности.

Этот бунт производительных сил, усиливая противоречие между производством и потреблением, идеологически отражается в головах рабочих, толкая их на революцию, успешность которой обеспечивается законом капиталистического накопления.

А между тем смешение Маркса с Туганом, приписывание Марксу мыслей Тугана, что капиталистическое общество может неограниченно развивать свои производительные силы, висит над всем анализом Розы. Она прямо так и заявляет, что теория реализации Маркса расходится с его революционной теорией, и цель ее книги—устранить это противоречие: «Здесь я полагала, что нужно к вопросу подойти критически. Теоретическое допущение общества, состоящего из одних лишь капиталистов и рабочих, которое для определенных целей исследования (например, в первом томе «Капитала» при анализе отдельного капитала и его практики эксплуатации на фабрике) вполне законно и уместно, кажется мне неприменимым и мешающим анализу там, где речь идет о накоплении общественного капитала, взятого в целом»...

«Таким образом, капитализм все более и более расширяется, благодаря взаимодействию с некапиталистическими общественными кругами и странами: он накопляет за их счет, но в то же время на каждом шагу раз'едает и вытесняет их, чтобы самому стать на их место. Но чем больше капиталистические страны участвуют в этой погоне за областями накопления и чем меньше становятся те некапиталистические районы, которые открыты еще для мировой экспансии капитала, тем ожесточеннее становится конкурентная борьба капитала вокруг указанных областей накопления, тем в большей мере его экскурсии

по мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф: в мировые кризисы, революции и войны»...

Но что же тут нового? Ведь это—популярное изложение Маркса!

И дальше Роза продолжает: «Но этим процессом капитал двояким образом подготовляет свою собственную гибель: во-первых, он своим расширением за счет всех некапиталистических форм производства держит курс на тот момент, когда все человечество в действительности будет состоять из одних лишь капиталистов и наемных пролетариев и когда дальнейшее расширение, следовательно накопление, становится поэтому невозможным (по Марксу следовало сказать не невозможным, а все более затруднительным. *М. Я.*); во-вторых, он в то же самое время, по мере того, как эта тенденция находит свое выражение, обостряет классовые противоречия, международную хозяйственную и политическую анархию настолько, что он должен вызвать восстание международного пролетариата против существования капиталистического господства задолго до осуществления крайнего результата экономического развития, т.-е. задолго до того времени, когда будет достигнуто абсолютное и безраздельное господство капиталистического производства во всем мире» («Антикритика», стр. 20).

Последнее верно, но конечные выводы Розы о гибели капиталистического общества вовсе не нуждаются в новой теории реализации, а прекрасно обоснованы Марксом.

V. Проблема денег у Люксембург и Маркса.

Основное положение теории Розы Люксембург я формулировал уже ее следующими словами: «Реализация прибавочной стоимости с целью накопления представляет собой в об-ве, состоящем из капиталистов и рабочих, неразрешимую задачу». Но эта ясная постановка вопроса усложняется тем, что вопрос, откуда берутся покупатели подлежащей накоплению прибавочной стоимости, заменяется у нее часто другим: откуда берутся деньги, чтобы

оплатить накопленную прибавочную стоимость? Тождество обоих вопросов может иметь место при одновременном накоплении всей прибавочной стоимости в денежной форме всем капиталистическим обществом. Но при этом само собою ясно, что не будет никакого расширенного воспроизводства. На такое предположение, что Роза имеет в виду накопление всей прибавочной стоимости капиталистическим обществом в денежной форме, наводят некоторые места из «Антикритики». Так, Роза Л. говорит: «Можно поворачивать вопрос как угодно, но до тех пор, пока мы остаемся в предположении, что в обществе нет никаких других слоев кроме капиталистов и рабочих, капиталисты, как класс, не в состоянии отделаться от своих избыточных товаров, чтобы превратить прибавочную стоимость в деньги и получить, таким образом, возможность накоплять капитал» («Антикритика», стр. 18).

Все затруднение — что об-во не в состоянии превратить прибавочной стоимости в деньги. Я привел соответственные места, когда рассматривал в главе III случай второй (товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, продаются за золото). Там же я показал нелепость предположения, что капиталистическое накопление—денежное накопление, так как, если бы вся прибавочная стоимость была обращена в золото, то действительное накопление было бы невозможно.

Цитаты, которые я приводил, взяты из «Антикритики», где Люксембург пытается популярно изложить свою теорию. В основном своем труде она обвиняет в этом же Маркса и поучает его, что неправильно смешивать оба вопроса. Поэтому, попытаемся коротко изложить ход мыслей Маркса по этим вопросам. Капиталистическое хозяйство—денежное хозяйство и таковым оно остается, если мы, как это подчеркивает Маркс, будем рассматривать капиталистическое общество в целом. Часть «m», подлежащая капитализации, как c и v, не может быть прямо большей частью применена в производстве, а должна пройти через денежную форму и лишь потом превратиться в натуральные элементы производства. Поэтому

Маркс неоднократно подчеркивает, что процесс воспроизводства является единством произродства и двух актов обращения и что раздвоение Т-Д-Т является общим условием кризиса, остановкой воспроизводства. Этим об'ясняется, что Маркс, дав условия равновесия капиталистического воспроизводства, абстрагируясь от денежного обращения, возвращается к проблеме денег и уделяет ей столько внимания. Но, поскольку Маркс анализирует общественное воспроизводство в целом, для него спрос определяется не наличием денег, которые в капиталистическом обществе являются только общим условием, но не причиной спроса, а р а с ш и р я ю щ и м с я в о с п р о и з в о д с т в о м, являющимся для каждого отдельного капиталиста принудительным законом, условием его существования. «Деньги на одной стороне, — говорит Маркс, — вызывают при этом расширенное воспроизводство на другой стороне— потому, что возможность его имеется уже без денег, которые сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства» (Маркс, том II, стр. 461). Правда, в капиталистическом обществе спрос имеет форму денег, покупатель должен иметь деньги; но, если мы возьмем чисто капиталистическое общество в целом, стало быть, отвлечемся от распределения прибавочной стоимости, то деньги являются одним из моментов движения и превращения капитала из одной формы в другую. Деньги, с точки зрения совокупного капитала, потому представляют спрос, что этот спрос существовал без них и определялся необходимостью воспроизводства. Деньги, пред'являющие спрос, суть превращенная форма c, v, m, и постольку представляют спрос, поскольку существует спрос с целью воспроизводства на c, v, m. Капиталистическое общество знает спрос при нехватке денег, чисто денежный кризис, и, наоборот, наличие денег при отсутствии спроса.

Кроме того, по Марксу, который отбрасывает как невозможный случай—накопление всей прибавочной стоимости в золоте, нельзя отождествлять оба вопроса, хотя бы потому, что стоимость денег, нужных для реализации прибавочной стоимости, гораздо меньше последней в число раз, равное числу оборотов монеты.

Итак, мы пришли к выводу, что вопрос, откуда берется все расширяющийся спрос, и вопрос, откуда берутся деньги, чтобы оплатить накопленную прибавочную стоимость, два разных вопроса: один—об условиях капиталистического равновесия, другой вопрос, чрезвычайно важный, но технического характера. С точки зрения всего капиталистического общества, деньги не определяют спрос, а лишь реализуют уже имеющийся спрос (правда, отсутствие или нехватка денег может привести к остановке производства). Как будто бы, несмотря на путаницу в этом вопросе в «Антикритике», в «Накоплении» Люксембург стоит на развитой точке зрения, она говорит: «Анализ Маркса пострадал, между прочим, оттого, что он пытался разрешить проблему, неправильно поставив ее в форме вопроса о «денежных источниках». На самом деле речь идет о фактическом спросе, о сбыте товаров, а не об источниках денег для их оплаты. Относительно денег, как посредника обращения, мы должны здесь, при рассмотрении процесса воспроизводства, взятого в целом, принять, что капиталистическое общество всегда имеет в своем распоряжении такое количество денег, которое необходимо для его процесса обращения, или что оно умеет создавать для этой цели суррогаты. Что подлежит об'яснению, так это те колоссальные общественные акты обмена, которые вызываются реальными экономическими потребностями. То обстоятельство, что капиталистическая прибавочная стоимость, прежде чем подвергнуться накоплению, должна безусловно пройти через денежную форму, не может быть оставлено без внимания. Однако, мы отыскиваем экономический спрос на прибавочный продукт, не интересуясь при этом вопросом о происхождении денег. Ибо, как говорит в другом месте сам Маркс, «деньги на одной стороне вызывают при этом расширенное воспроизводство на другой стороне потому, что возможность его имеется уже без денег, которые сами по себе не составляют элементы действительного воспроизводства» («Накопление», стр. 100).

В этой цитате замечательны начало и конец: в начале она упрекает Маркса, что он неправильно заменил вопрос о «денежных источниках» вопросом о реализации прибавочной стоимости, а в конце она цитирует Маркса и указывает, что он отличал вопрос об «экономическом спросе» от вопроса о происхождении денег. Эта путаница всюду у нее, где она критикует Маркса. Для Маркса, который, и по мнению Розы Люксембург, считал реализацию прибавочной стоимости в капиталистическом обществе возможной, или, выражаясь терминологией Розы Люксембург, «экономический спрос существующим», вопрос шел только о деньгах, как средстве обращения и моменте существования капитала. Я постараюсь показать это в дальнейшем, но оно видно даже в изложении Розы Люксембург. Она цитирует Маркса: «Откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме?» («Капитал», т. II, стр. 306). Приводит ответ Маркса [1] и заявляет: «Чтобы привести в обращение эту товарную массу, возрастающую в своей стоимости, необходима все увеличивающаяся масса денег. Эта возрастающая масса денег должна быть создана. Все это, несомненно, верно и очевидно, но проблема, о которой шла речь, этим самым не разрешена, она просто исчезла» («Накопление», стр. 107).

Какая проблема исчезла? Проблема реализации прибавочной стоимости? Но ведь для Маркса она была решена. Это навязывание Марксу своей проблемы видно из следующего места: «Следовательно, сама постановка вопроса у Маркса была все время неправильна. Нет никакой сколько-нибудь осязательной цели ставить вопрос, откуда берутся деньги для реализации прибавочной стоимости. Вопрос должен гласить: откуда берется спрос на прибавочную стоимость, где платежеспособная потребность в ней? Если бы вопрос с самого начала был поставлен так, то не нужно было бы столь длительного обходного пути, чтобы ясно показать, разрешим ли он или нет. Если предположить простое воспроизводство, то дело достаточно просто: вся прибавочная стоимость потребляется капиталистами, которые, таким образом, сами являются здесь покупателями и пред'являют спрос на общественную

[1] «Капитал», т. II, стр. 315, 1919 г.

прибавочную стоимость во всем ее об'еме; следовательно, они должны также иметь в кармане мелочь, необходимую для обращения прибавочной стоимости. Но как раз из этого самого факта вытекает с очевидностью, что сам класс капиталистов при условии накопления, т.-е. капитализации части прибавочной стоимости, никоим образом не может реализовать, т.-е. купить всю свою прибавочную стоимость» («Накопление», стр. 108).

Для т. Люксембург, которая считала проблему реализации в чисто-капиталистическом обществе неразрешимой, нет, понятно, смысла исследовать вопрос о деньгах, необходимых для обращения возросшей суммы ценностей. Но Маркс считал накопление возможным, и поэтому он и ставит вопрос об «источнике» денег. Путаница, путаница и только путаница...

Роза Люксембург чувствует, что насилует Маркса, и поэтому в 8-й главе хочет убедить, что Маркс считал свой анализ неточным. Она пишет: «Мы, таким образом, опять приходим к вопросу: кто реализует накопленную прибавочную стоимость? Маркс сам чувствует пробел в своей со внешней стороны безупречной схеме накопления и многократно с разных сторон рассматривает проблему» («Накопление», стр. 88). Мы вправе ожидать в дальнейшем доказательства, что Маркс был не удовлетворен своим анализом и именно тем же, что не удовлетворяет Розу. Но доказательство поразительно по отсутствию какой бы то ни было связи. Она приводит ряд цитат, в которых Маркс, по ее же словам, исследует «механизм накопления как раз с этой точки зрения, т.-е. под углом зрения, что прибавочный продукт должен прежде, чем подвергнуться накоплению, пройти через денежную форму» («Накопление», стр. 80).

Это последнее замечание правильно, и приводимые цитаты относятся действительно к вопросу, что прибавочная стоимость должна, как c и v, пройти через денежную форму. Но где же здесь чувствование пробела Марксом? Она приводит дальше цитату из Маркса, где он разбирает случай всеобщего денежного накопления, правда, не указав, что Маркс считал его невозможным; затем приводит

другую цитату, где Маркс об'ясняет, как действительно происходит превращение прибавочной стоимости в золото—сокровище, пока его не накопится достаточно, чтобы превратить его в производительный капитал. Проследи Роза дальше ход мыслей Маркса, она нашла бы ответ на вопрос об источнике дополнительных денег, необходимых для обращения возросшей массы стоимостей; но Роза думает о другом, она хочет убедить, что Маркс чувствовал пробел, и поэтому спешит заявить следующее: «Весь описанный здесь процесс для нас не нов. Маркс уже разобрал его подробно при простом воспроизводстве, так как он необходим для об'яснения того, как обновляется постоянный капитал общества при условиях капиталистического воспроизводства. Поэтому пока совсем неясно, как этот процесс может нас избавить от того особого затруднения, на которое мы натолкнулись при анализе расширенного воспроизводства. Затруднение здесь заключалось в следующем. В целях накопления одна часть прибавочной стоимости не потребляется капиталистами, а прибавляется к капиталу для расширения производства. Спрашивается, где покупатели на этот самый прибавочный продукт, которого не могут потребить ни капиталисты, ни, тем более, рабочие, потребление которых целиком покрывается суммой соответствующего переменного капитала? *Где спрос на накопленную прибавочную стоимость?* Или, как *формулирует этот вопрос* Маркс, *откуда берутся деньги, чтобы оплатить накопленную прибавочную стоимость?*» («Накопление», стр. 91). (Курсив мой. *М. Я.*).

Где Маркс так формулировал вопрос? Где основание, хотя бы самое маленькое, что Маркс сливал два вопроса: вопрос о возможности реализации прибавочной стоимости в чисто капиталистическом обществе с вопросом об источниках денег? Ведь, как раз наоборот, — именно Маркс придавал вопросу об источниках денег при анализе общественного воспроизводства техническое значение.

После указанной перекройки Маркса на свой лад, Роза Люксембург опять приводит ряд цитат, в которых Маркс ста-

вит вопрос об источниках денег для обращения возросшей массы стоимостей, произвольно берет места, трактующие о переходе от простого к расширенному воспроизводству, выражает недовольство, что здесь нет ответа об источнике денег для обращения возросшей суммы стоимостей, так как сумма стоимостей не изменилась, и опять заявляет: «Следовательно, капиталистическое накопление сокровища не может вывести из затруднения. И это можно было предвидеть, так как самая постановка вопроса неправильна. В проблеме накопления речь идет не о том, откуда берутся деньги, а о том, откуда берется спрос на прибавочный продукт, который произошел из капитализированной прибавочной стоимости». Не знаешь, чему удивляться в этой цитате. Ведь Маркс, в противоположность Р. Люксембург, считал вопрос реализации прибавочной стоимости решенным и перешел к другому—об источнике денег, необходимых для ее реализации. Роза сначала навязывает Марксу неправильную постановку, а затем поучает Маркса. Замечательно продолжение цитаты: «Это не технический вопрос денежного обращения, а экономический вопрос воспроизводства всего общественного капитала. Ибо, если мы даже оставим без внимания вопрос, которым только и занимался до сих пор Маркс—вопрос о том, откуда у В. В. и т. п. взялись деньги, чтобы купить у А. А. и т. д. (1) добавочные средства производства, то после совершившегося накопления возникает гораздо более важный вопрос: кому В. В. и т. д. (1) будут теперь продавать свой возросший прибавочный продукт? Маркс, в конце концов, заставляет их обмениваться между собой их собственными продуктами» («Накопление», стр. 94).

Как будто бы и Роза признает, что Маркс занимался здесь не тем, что важно, по ее мнению, именно только техническим вопросом об источнике денег, а не вопросом, кому будет продаваться возросший прибавочный продукт. Каждому вольно критиковать Маркса, но зачем навязывать ему свои мысли, которые находятся в противоречии с его собственными, к чему запутывать вопрос? Для Маркса, который, худо или хорошо, по-нашему хорошо, ответил на вопрос, как реализуется накопленная прибавочная стоимость, имеет значение и смысл исследование о деньгах, необходимых для ее обращения.

Другое дело—Роза Люксембург, которая считает накопление невозможным в чисто-капиталистическом обществе: для нее вопрос об источнике денег—бесплодная формулировка проблемы. Право, трудно поверить, чтобы Роза Люксембург могла так путать.

Но из чтения 8-ой и 9-ой главы «Накопления» как будто получается впечатление, что Маркс не ответил все-таки на вопрос об источниках денег. Поэтому, пожалуй, не лишне изложить Маркса по этому вопросу.

VI. Проблема денег при простом воспроизводстве.

В капиталистическом обществе, состоящем из частных хозяйств, распределение продуктов общественного производства, происходит путем товарообмена, притом денежного.

Когда мы берем какой-нибудь год, но не первый, производства любого общества, мы вынуждены предположить, что это общество обладает определенной суммой средств производства и существования; но при капиталистическом обществе мы должны допустить, что класс капиталистов, сверх того, имеет в наличности определенную сумму денег, без которой не может произойти товарообмен и, значит, воспроизводство. Допустим, как это делает Маркс, что в обращении только металлическая монета.

1) Капиталисты должны авансировать на заработную плату.

2) Затем нужна определенная сумма денег для обмена I «m» на часть II «c».

3) Для обмена внутри подразделения I—c.

4) Для обмена внутри подразделения II—«m».

5) Для ежегодного движения восстановления и осаждения в виде денег снашиваемой части основного капитала.

Если мы поставим вопрос, откуда у класса капиталистов имеются деньги в нужном количестве, то ответ на это может дать первоначальное накопление—точно так же, как только оно может дать ответ, откуда берутся средства производства, рабочая сила.

Сумму денег, необходимых для обслуживания обращения общественного капитала при простом воспроизводстве, можно считать постоянной. Но поскольку часть уничтожается вследствие снашивания, она должна ежегодно возобновляться. Оставляя в стороне золото и серебро, добываемые для предметов роскоши и нужд производства, производство их должно равняться снашиванию денежного металла, происходящему при ежегодном обращении денег. Следовательно, даже на базисе простого воспроизводства часть общественной рабочей силы и часть общественных средств производства должны ежегодно затрачиваться на производство золота и серебра. Для облегчения анализа Маркс переносит золотые прииски в страну, воспроизводство которой мы анализируем. Что проблемы денег Маркс не успел доработать, видно из всей главы XII, посвященной воспроизводству денежного материала. Он говорит: «Пусть эта стоимость (годичного производства золота. *М. Я.*) разлагается на $20c + 5v + 5m$. $20c$ подлежат обмену на другие элементы $\mathrm{I}c$, и это мы рассмотрим впоследствии». Но, к сожалению, Маркс этого не успел сделать, как об этом указывает Энгельс. А между тем, если бы он это сделал, то безусловно заметил бы, что, если бы ежегодно $20c$ восстанавливались из $\mathrm{I}c$, то ежегодно $\mathrm{I}c$ все уменьшалось бы на $20c$. $20c$ есть часть стоимости сношенной золотой монеты, они являются издержками обращения, приходящимися на I подразделение и являющимися с точки зрения непосредственного производства непроизводительной тратой, которая, если предполагается воспроизводство в прежних размерах, не должна падать на v и c, а быть покрытой из m.

В дальнейшем Маркс анализирует реализацию $5v + 5m$ золота. Вывод его таков. «Отсюда видно,—даже оставляя $\mathrm{I}c$, подлежащее рассмотрению позже,—как даже простое

воспроизводство, хотя и здесь исключается накопление в собственном смысле слова, т.-е. воспроизводство в расширенном масштабе, все же необходимо предполагает накопление денег или образование сокровища». А через несколько страниц приходит к совершенно другому выводу: «Итак, та масса денег, посредством которой обращается годовой продукт, уже имеется в обществе, постепенно накоплена. Она, за исключением золота, возмещающего, например, сношенные монеты, не составляет части той новой стоимости, которая произведена в текущем году».

Недоработанность проблемы денег сознавал сам Маркс, о чем свидетельствует Энгельс в предисловии к II тому.

Наиболее серьезная попытка доработать мысль Маркса была сделана Р. Люксембург, которая, поскольку речь идет о простом воспроизводстве, следует Марксу по духу.

Производство золота, как и всех металлов, Маркс относит к I, к подразделению, которое охватывает производство средств производства. Роза Люксембург, как мне кажется, вполне основательно, предлагает «на-ряду с двумя подразделениями средств производства и средств потребления поставить третье подразделение—производство средств обмена, для которых как раз характерно то, что они не служат ни для производства, ни для потребления, а представляют общественный труд в безразличном, негодном для потребления товаре». В дальнейшем Р. Люксембург указывает, что к I категории нужно отнести только производство золота для промышленных целей. Но, как деньги, золото не металл, а олицетворение абстрактного общественного труда, а, как таковые, они не являются ни средством потребления, ни средством производства. По Марксу, производство золота $= 20c + 5v + 5m$. Если мы этот ряд рассмотрим, как элемент I ряда, то получим дефицит в средствах производства в 30 единиц. Дефицит сделает невозможным воспроизводство в прежнем масштабе в одном из первых двух подразделений (стр. 80—81 Р. Л.). (См. Маркс, «Капитал», том II, стр. 329).

Высказав ряд совершенно правильных мыслей, Роза Люксембург странным образом не заметила, что, если мы схематизируем три подразделения:

$$\begin{aligned} \text{I)}\ & 4.000\,c + 1.000\,v + 1.000\,m = 6.000 \\ \text{II)}\ & 2.000\,c + 500\,v + 500\,m = 3.000 \\ \text{III)}\ & 20\,c + 5\,v + 5\,m = 30, \end{aligned}$$

то будет нарушена пропорциональность между подразделениями, которая является необходимым условием реализации и беспрерывного хода процесса воспроизводства, так как при C II$=$I $(v+m)$ (основной закон простого воспроизводства), то для III подразделения негде будет приобрести ни постоянного капитала, ни предметов существования рабочих и капиталистов. Люксембург правильно добавила III подразделение, указала, что капиталы, затраченные в III подразделении, являются с точки зрения непосредственного производства ложными расходами капиталистического общества. Но она не указала, как возместить эти расходы. Ложные расходы неминуемо должны падать на прибавочную стоимость, уменьшив прибыль, так как ни переменный, ни постоянный капиталы не могут быть уменьшены при постоянных размерах воспроизводства. «Ложные расходы» должны быть распределены между I и II подразделениями пропорционально стоимости продукта каждого из них, пропорционально которому каждое нуждается в определенной сумме денег, а, значит, соответственно должно восстанавливать снашивание монеты. В данной цифровой схеме I : II = 6.000 : 3.000 = 2 : 1, т.-е. 20 ед. приходится на I подразделение, а 10—на второе. Таким образом, III подразделение в обмен на золото получит из I подразделения 20 единиц средств производства, а из II подразделения 10 единиц средств потребления.

Весь общественный капитал 9.000 единиц должен быть распределен между тремя подразделениями.

При чем законы простого воспроизводства примут такую формулировку: вместо Ic + IIc = I подразделению, Ic + IIc + IIIc = I подразделение; вместо II = I $(v+m)$ + II $(v+m)$, II подразделение = I $(v+m)$ + II $(v+m)$ + III $(v+m)$.

Третий закон = I $(v+m)$ = IIc примет такой вид: I $(v+m)$ = IIc + IIIc.

На цифрах получим (размер I подразделения останется без перемен) I = 4.000 c + 1.000 v + 1.000 m, но из 1.000 v + + 1.000 m должны быть восстановлены как IIc, так и IIIc, отсюда, при IIIc — равном 20, IIc = 1.980.

Таким образом схема примет такой вид:

$$\begin{aligned} 4.000\,c + 1.000\,v + 1.000\,m &= 6.000 \\ 1.980\,c + 495\,v + 495\,m &= 2.970 \\ 20\,c + 5\,v + 5\,m &= 30 \\ \hline & 9.000 \end{aligned}$$

(20 c III-го подразделения, которые находятся в форме золота, будут покрыты из 1.000 m I подразд., которые находятся в форме машин; $(5\,v + 5\,m)$ III-го подразделения будут обменены на 10 едениц из 495 m II подразделения, при чем ясно, что пять единиц из 495 m II-го подразделения должны быть в форме средств потребления рабочих).

VII. Проблема денег при расширенном воспроизводстве.

По Марксовой схеме накопления предполагается, что подлежащая капитализации часть прибавочной стоимости рождается в натуральной форме, пригодной для накопления, «она заключает в себе вещественные элементы нового капитала». Но при капиталистическом обществе прибавочная стоимость, в какой бы натуральной форме она ни заключалась, не может быть прямо перенесена в места производства. Она должна быть сперва реализована, т.-е. обменена на деньги. При этом, указывает Маркс, «мы не принимаем во внимание здесь случаев, когда часть продукта, например уголь в шахтах, прямо без обмена опять входит в процесс производства. Для капиталистического производства, взятого в целом, эти случаи являются исключением».

Здесь мы подходим к проблеме денег при расширенном воспроизводстве. Маркс ставит вопрос несколько раз,

но наиболее обстоятельно он на это отвечает в главе об обращении прибавочной стоимости.

Прежде всего Маркс анализирует момент перехода от простого воспроизводства к расширенному, когда—с точки зрения величины стоимости—производство здесь пока не расширилось, но порядок и распределение его элементов другое. Маркс говорит применительно к первому подразделению, но это верно и по отношению ко всему общественному капиталу: «Пока мы рассматриваем только размер стоимости воспроизводства на стороне I подразделения, мы находимся еще в пределах простого воспроизводства, потому что никакой дополнительный капитал не приведен в движение для того, чтобы создать этот потенциальный дополнительный постоянный капитал (прибавочный продукт), не приведено в движение и большего количества прибавочного труда, чем то, которое затрачивалось на основе простого воспроизводства. Различие пока заключается только в форме применяемого прибавочного труда, в конкретной природе его особенного полезного вида. Он был израсходован на средства производства для I *c*, вместо II *c*» (том II, стр. 487). В другом месте он говорит: «Что касается добавочного денежного капитала, который требуется для функционирования возрастающего производительного капитала, то он доставляется той частью реализованной прибавочной стоимости, которая бросается в обращение капиталистом как денежный капитал, а не как денежная форма дохода. Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их употребление иное» («Капитал», т. II, стр. 327, 1919 г.).

Маркса следует понимать, что из того, что часть прибавочной стоимости капитализируется, не значит, что нужны дополнительные деньги. При простом воспроизводстве капиталисты сами потребляли свою прибавочную стоимость, следовательно, должны были иметь деньги для ее реализации. Так как прибавочная стоимость изменилась не по величине, а по форме, то на те же деньги капиталист покупает, вместо средств потребления для себя, средства производства и средства потребления для рабочих: «Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их употребление другое. Они бросаются в обращение как денежный капитал, а не как денежная форма дохода».

Но полученное решение годится только для момента перехода от простого воспроизводства к расширенному. Но возьмем один из многих годов расширенного воспроизводства, когда каждый период производства выбрасывает на рынок все большую сумму стоимостей, чем в прежние периоды. Маркс на это дает вполне исчерпывающий ответ, который я постараюсь привести дословно, в виду поразительного ослепления критиков Маркса по этому вопросу даже из рядов марксистов (см. Р. Люксембург):

«Но вследствие затраты добавочного производительного капитала бросается в обращение, как продукт этого капитала, добавочная масса товаров. Вместе с этой добавочной массой товаров выбрасывается в обращение часть добавочных денег, необходимых для ее реализации, именно выбрасывается постольку, поскольку стоимость этой массы равна стоимости производительного капитала, потребленного при ее производстве. Эта добавочная масса денег прямо авансируется, как добавочный денежный капитал, и потому она возвращается к капиталисту вследствие оборота его капитала.

«Здесь перед нами тот же самый вопрос, как выше. Откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме?..

«Добавочные деньги, необходимые для обращения этого большего количества товаров большей стоимости, должны быть добыты или усиленной экономией на обращающемся количестве денег, — достигается ли она посредством взаимного погашения платежей и т. д. или при помощи средств, ускоряющих обращение одного и того же денежного знака,—или же они должны быть получены путем превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег» (т. II, стр. 327—28).

«Если всех этих средств оказывается недостаточно, то должно быть произведено добавочное золото, или—что сводится к тому же самому—часть дополнительного продукта

прямо или косвенно обменивается на золото, на продукт стран, производящих благородные металлы.

«Вся сумма рабочей силы и общественных средств производства, расходуемых на ежегодное производство золота и серебра, как орудий обращения, составляет крупную долю непроизводительных расходов (faux frais) капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, в основе которого лежит товарное производство. Это производство отвлекает от использования обществом соответствующую сумму возможных дополнительных средств производства и потребления, т.-е. действительного богатства» (т. II, стр. 329).

Я думаю, что комментарии к этим цитатам совершенно излишни. Количество денег, нужное для обращения ежегодно увеличивающейся суммы стоимостей, должно быть меньше ее во столько раз, сколько раз в среднем оборачиваются деньги.

Единственное дополнение технического характера, а не по существу, которое можно сделать, заключается в том, чтобы выделить производство денег, как я указал при простом воспроизводстве, в особое подразделение.

Но проблема денег этим не кончается.

Капиталист, накопляющий деньги, продает, не покупая. Если представить, что эта операция имеет характер всеобщности, то повидимому нельзя понять, откуда возьмутся покупатели, так как все желают продавать, но никто покупать. Итак, вопрос заключается в том, каким образом может накоплять деньги весь класс капиталистов одновременно.

Это возможно таким образом: или они вывозят весь прибавочный продукт за границу в обмен на золото, которое оседает у них в виде сокровища, или, если, как это делает Маркс, элиминировать за границу, остается один путь: общество увеличивает производство золота настолько, что золотопромышленники смогут купить всю подлежащую накоплению прибавочную стоимость. Об этом Маркс говорит в следующей цитате: «Если представить себе, что процесс обращения между различными частями годового воспроизводства протекает как бы по прямой

линии,—что неверно, так как за немногими исключениями он всегда составляется из взаимно противоположных движений,—то придется начать с производителя золота (или серебра), который покупает, не продавая, и предположить, что все другие продают ему. В таком случае весь годовой общественный прибавочный продукт (представляющий всю прибавочную стоимость) перешел бы к нему, а все другие капиталисты pro rata распределили бы между собой его прибавочный продукт, от природы существующий в виде денег, представляющий естественное воплощение в золоте его прибавочной стоимости; потому что часть продукта золотопромышленника, которая должна возместить его функционирующий капитал, уже связана и использована соответствующим образом. Произведенная в виде золота прибавочная стоимость золотопромышленника была бы в таком случае единственным фондом, из которого все остальные капиталисты получали бы материал для превращения в золото своего годового прибавочного продукта. Следовательно, по величине стоимости она должна была бы равняться всей общественной годовой прибавочной стоимости, которой предстоит временно закоконироваться в форму сокровища. При всей своей нелепости, такие предположения ничего не дали бы нам кроме того, что об'яснили бы возможность всеобщего одновременного образования сокровищ, при чем самое воспроизводство, за исключением воспроизводства у золотопромышленников, не подвинулось бы ни на шаг далее» («Капитал», том II, стр. 482).

Нелепо то, что при этом не было бы расширенного воспроизводства, кроме как в золотопромышленности. Да и в последней расширение остановится на второй год, поскольку в других отраслях производство не будет увеличиваться. Но самое важное, что, пожелай капиталисты через несколько лет, когда у них накопилось достаточно золота, превратить его в производительный капитал, они не смогли бы этого сделать, не найдя элементов производительного капитала, на которые можно бы обменять золото, а само золото в своей натуральной форме мало может служить элементом воспроизводства. На поставленный вопрос, может ли при расширенном воспроизводстве накоплять

деньги весь класс капиталистов одновременно, Маркс отвечает: «Исключая тот случай, когда между классом капиталистов распределяется дополнительный благородный металл, накопление в денежной форме никогда не происходит одновременно во всех пунктах» (см. том II, стр. 332—333).

Капиталы, вложенные в многочисленных отраслях промышленности, находятся в различных ступенях процесса последовательного превращения прибавочной стоимости в потенциальный денежный капитал. Нельзя представлять, что процесс обращения протекает по прямой линии,—что неверно, так как, за немногими исключениями, он всегда составляется из взаимно противоположных движений. Поэтому одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, т. е. на накопленные деньги покупает средства производства и реальные элементы переменного капитала, в то время как другая часть капиталистов еще занята накоплением своего потенциального денежного капитала. Следовательно, капиталисты этих двух категорий противостоят друг другу—одни как покупатели, другие как продавцы. Масса денег, как подчеркивает Маркс, всегда достаточна для потребностей обращения, если даже попеременно одна часть накопляет деньги в то время, как другая расширяет масштаб производства. К тому же накопление денег на одной стороне может совершаться без наличных денег, путем одного только накопления долговых требований.

Как при анализе основного капитала при простом воспроизводстве, здесь необходимо предположить, что простая продажа капитализированной части m, образующая сокровища для А, А..., уравнивается простой куплей части I m со стороны других капиталистов В, В..., которые превращают свои сокровища в элементы дополнительного производительного капитала (см. Маркс, том II, стр. 485, 486, 514, изд. 1919 г.).

Само собой разумеется, что все эти условия идеальны, к ним капиталистическое общество стремится через колебания в одну и другую сторону. Маркс по этому поводу замечает: «Но поскольку происходят просто односторонние

превращения, простые купли—с одной стороны, простые продажи—с другой,—а мы видели, что нормальные превращения годового продукта на капиталистической основе обусловливают такие односторонние метаморфозы,—постольку равновесие осуществляется лишь при том предположении, что сумма стоимости односторонних покупок и сумма стоимости односторонних продаж покрывают друг друга. Тот факт, что товарное производство является общей формой капиталистического производства, уже сам по себе указывает на ту роль, которую играют в нем деньги не только как средство обращения, но и как денежный капитал, и создает известные, свойственные этому способу производства условия нормального обмена, следовательно, нормального хода воспроизводства как простого, так и в расширенном масштабе,—условия, которые превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие при стихийноскладывающемся строе этого производства само является случайностью» («Капитал», том II, стр. 486).

Итак, мы получили полный и исчерпывающий ответ об «источниках денег» как при простом, так и расширенном воспроизводстве, рассмотрели и получили полную картину проблемы денег. И надо только удивляться, как люди, читавшие Маркса, могут утверждать, что проблема денег у Маркса не решена.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 40 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:
Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Тел. 5-45-77.
Москва: Московское отд. издательства „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж пом. №№ 47, 48, 49. Тел. 2-24-09.